

Илья Шумей



КРЕСТОНОСЦЫ
ПУСТОТЫ

Страна Овец

Илья Шумей

Крестоносцы пустоты

«Accent Graphics communications»

2020

Шумей И. А.

Крестоносцы пустоты / И. А. Шумей — «Accent Graphics communications», 2020 — (Страна Овец)

Игры с огнем всегда опасны. Однако куда рискованней забавляться с силами, чьей природы ты до конца не понимаешь, и которые, вырвавшись на свободу, вполне способны порвать в клочья саму ткань нашего мира. Но когда такие мелочи останавливали настоящих ученых?! Разве хоть что-нибудь сравнится с торжеством победы над загнанной в клетку дикой первозданной яростью?! Что может быть слаще зрелища первобытной стихии, посаженной на короткий поводок?! Теперь лишь вопрос времени – когда давно забытые пророчества сойдут с пожелтевших страниц древних летописей и воплотятся в реальности, а наивные суеверия туземцев обретут плоть и мощь

© Шумей И. А., 2020

© Accent Graphics
communications, 2020

Илья Шумей

Крестоносцы пустоты

Боль ударила Вадима в лицо раскаленным молотом, и у него вырвался невольный стон. Сколько бы он ни готовился к «всплыванию», ожидая самое худшее, итог все равно заставлял морщиться и чертыхаться.

Роль спарринг-партнера неизбежно подразумевает определенные издержки в виде опухшего от синяков лица и истертых в кровь костяшек пальцев, но Вадим так и не смог научиться воспринимать их как нечто должное. И это он пока еще не пытался пошевелиться. Тогда к прочим неудобствам добавятся и ноющие мышцы, и намозоленные ступни, и гудящая голова, схлопотавшая не один десяток ударов. Хорошо, если сегодня обойдется без сотрясения мозга.

Вадим осторожно, чтобы не потревожить свежие раны, запустил руку под подушку и вытащил свой коммуникатор. На экране высветилась сумма, перечисленная только что на его личный счет. Весьма приятная сумма, надо сказать, размер которой сполна искупал понесенные издержки. Теперь как минимум пару недель он будет избавлен от необходимости давиться стандартными пайками и гадать, хватит ли у него кредита на оплату доступа в премиум-сегмент Вирталии.

Тем не менее, он не мог не засомневаться, стоят ли того его жертвы, и сомнения только усилились, когда Вадим попытался подняться с кровати. Хороший гонорар вполне резонно требовал серьезной работы, и жадность, толкнувшая его на участие в боях без правил теперь оборачивалась не только разбитой физиономией, но и ломотой во всем теле, сполна вкусившем и болевых и удушающих приемов.

И ведь никто не заставлял его так над собой измываться! Вадим сам решил немного подзаработать, избрав самый простой, как ему тогда казалось, способ – сдачу своего тела в аренду.

Разумеется, такого рода фокус балансировал на самой грани легальности, но пока соответствующую лазейку в законах не успели законопатить, многие обитатели Вирталии активно ею пользовались. И в самом деле – пока твое сознание поглощено приключениями и битвами на виртуальных просторах, почему бы не отправить оставшееся без присмотра тело на заработки? Состоятельные чудаки порой выкладывали весьма солидные суммы за, скажем, присутствие в доме настоящей, живой горничной вместо пластикового дроида.

Репетиторы, няньки, садовники, водители... – в век кибернетических помощников живые работники вновь вошли в моду, позволяя прихвастнуть перед соседями или знакомыми. А аренда дайва позволяла потешить свое тщеславие за относительно небольшие деньги. Пусть даже он слегка туповат и ограничен в навыках заложенной в имплант программой. Зато живой!

Несомненно, все это выглядело как экзотическая форма проституции, и постоянно присутствовал риск, что после всплывания из Вирталии прежний хозяин обнаружит свое тело, использованным... кхм... не совсем по назначению, а то и вовсе «выведенным из строя», но на такой случай в договоре присутствовал пункт о страховке. К счастью, до сего дня ни Вадиму, ни кому-то из его знакомых прибегать к нему не приходилось.

Хотя сейчас Вадим уже не был так уверен, что сегодня все также обойдется. Тело ломало просто немилосердно!

Он сунул ноги в тапки и заковылял в душ, придерживаясь рукой за стену.

Роль напарника для спаррингов ожидаемо сопровождалась определенными потерями, но и оплачивалась существенно выше, нежели простые работы по дому. Вдоволь нарезвившись на виртуальных аренах, заядлые игроки вновь почувствовали вкус к реалу, желая доказать себе и окружающим, что их достижения не ограничиваются одной лишь симуляцией, что они и в

самом деле способны выйти на настоящий ринг и поколотить живого противника из плоти и крови.

Но для тренировок непременно требуется партнер. А где его взять, если услуги настоящего тренера могут обойтись в целое состояние? И тут на помощь вновь пришли арендные дайвы, на которых так удобно отрабатывать связки и троечки под чутким руководством наставника, бормочущего указания через наушник и регулирующего прыткость оппонента в соответствии с настроением заказчика. Вполне возможно, что некоторые из клиентов выбирались в реал исключительно ради возможности кого-нибудь безнаказанно отколошматить. Ведь никакая симуляция не сможет воспроизвести то незабываемое ощущение, когда твой кулак так удачно въезжает в челюсть противника. И тут даже больших усилий не требуется, ведь врага всегда можно немного притормозить, нажав пару кнопок на пульте и выбрав приемлемый уровень сложности...

В первое время Вадим и не подумывал о том, чтобы отдать себя на избиение, но со временем предлагаемые гонорары манили все сильнее. Он уже отвык от прозябания на стандартном пособии и его растущие аппетиты требовали большего. За своей физической формой он исправно следил, и какие-либо противопоказания, не позволявшие ему принять участие в таких тренировках, отсутствовали. В конце концов, он решил рискнуть и попробовал.

Да, это оказалось больно. Но сумма, полученная тогда Вадимом на счет, подействовала как хорошее болеутоляющее, и он счел издержки вполне приемлемыми, чтобы вернуться на ринг еще разок. Ведь человек с реальными деньгами в кармане запрыгивал вверх по социальной лестнице сразу на несколько ступенек и Вадим не испытывал ни малейшего желания отречься от своего нового статуса, да еще заработанного такой немалой ценой.

Включив свет, Вадим на секунду зажмурился, собираясь с духом, после чего открыл глаза и посмотрелся в зеркало...

Ну, что тут можно сказать? Бывало и хуже. По ощущениям, во всяком случае, казалось, что пол-лица в фарш превратилось, но нет. Синяки, ссадины, засохшая кровь под носом, заплывший левый глаз – однако все это бесследно сгинет уже дня через три-четыре. А деньги-то останутся! И весьма немалые!

Вадима вновь охватил раздрай внутренней борьбы, когда здравый смысл пытался урезонить разбушевавшуюся жажду большего. Еще недавно гонорар, полученный за первый боксерский спарринг, казался ему настоящим богатством, но начальное возбуждение быстро прошло, счет очень скоро опустел, и душа настойчиво потребовала продолжения. Он же только-только начал привыкать к безупречному и восхитительному миру, выстроенному в премиальных секторах Виргалии, покупкам в *нормальных* магазинах, и возвращаться к обмену талонов на стандартные пайки и безликие серые шмотки совершенно не хотелось!

Он взял новый контракт, потом еще один, и еще... Но очень скоро даже этих средств стало не хватать для удовлетворения его непрерывно растущих запросов. К хорошему же быстро привыкаешь. В поисках заработка Вадим обратил свое внимание на бои без правил, где платили существенно больше, но и вероятность схлопотать серьезную травму ожидаемо оказывалась куда выше. После непродолжительных колебаний он все-таки решил рискнуть и вот теперь, стоя перед зеркалом и изучая свою опухшую физиономию, переливающуюся всеми цветами побежалости, в очередной раз испытывал вполне объяснимые сомнения в верности сделанного выбора.

Вадим, старчески кряхтя, забрался в душевую кабину и включил расслабляющий режим. Тугие струи горячей воды ударили в спину, массируя ее пульсирующими волнами. Боль постепенно отступала, и в голове снова проступили мысли о целесообразности подобных жертв. В конце концов, он же не сможет сполна насладиться заработанным богатством, если в очередном бою ему сломают спину, верно? И от страховки в такой ситуации вряд ли будет большой

толк. Почему бы, наконец, не остепениться и не сбавить темп? Всех денег все равно не заработаешь. Существуют ведь и менее рискованные способы заработать себе на кусок хлеба.

За завтраком, уминая приготовленный кухонной станцией пышный омлет, Вадим вывел перед собой список предлагаемых вакансий. Он сразу отринул все варианты, подразумевающие возможный риск для здоровья, подыскивая себе что-нибудь менее экстремальное и опасное для здоровья и жизни.

Выгуливатель собак? Вот еще!

Сиделка? Пф!

Дворецкий? Ну, это еще куда ни шло, но придется обождать, пока лицо вновь не обретет нормальные форму и цвет. Ладно, в другой раз.

Поскольку Вадим не в первый раз выступал на бирже дайвов, то у него уже успела сформироваться определенная репутация, открывавшая доступ к более интересным вакансиям, которые, как правило, не предлагались человеку «с улицы». Как ни крути, а такого рода бизнес с точки зрения морали, да и закона выглядел все же несколько сомнительным. Как заказчикам, так и соискателям приходилось проявлять разумную осторожность, чтобы не вляпаться в совершенно излишние неприятности. И зачастую речь тут шла не столько о чем-то предосудительном или противозаконном, сколько о слегка... *скользком*, что ли. За решетку не укутут, но пятно на всю жизнь останется. Именно поэтому подобные вакансии предлагались только проверенным людям, уже не раз бравшимся за сложные заказы и после не жаловавшимся на последствия.

Вадим прокрутил список вниз, сосредоточившись на заявках, помеченных мигающим восклицательным знаком. Любопытно же, за какие услуги заказчики готовы платить проверенным исполнителям более обычного.

Как и следовало ожидать, подавляющее большинство предложений касалось интимных услуг, когда, пресытившись синтетиками, состоятельные клиенты жаждали «живого» общения. Тут, конечно, суммы гонораров и страховок оказывались существенно весомей, нежели в прочих случаях, но Вадиму, да еще с разбитой физиономией тут делать было нечего.

Чуть дальше его внимание привлекло еще одно объявление, выглядевшее на фоне прочих даже немного странно. Для участия в отправлении религиозных обрядов требовался дайв спортивного телосложения и с проверенной репутацией.

Дайв?! Для религиозных обрядов?! Вы серьезно?!

Сочетание ультрасовременных нейроимплантов и дремучего мракобесия выглядело настолько нелепым оксюмороном, что Вадим едва не рассмеялся, однако боль в свежих синяках отвела его от этой затеи. Неужто у служителей Веры нынче так туго с кадрами, что приходится добирать персонал, одалживая дайвы на полукриминальной бирже?! Куда катится мир?!

Тем не менее, если не отвлекаться на чудаковатость самой вакансии, предложение выглядело исключительно заманчиво. Никаких дополнительных условий, касающихся внешности или размера обуви, не выдвигалось. Риск – нулевой, срок – завтра с девяти вечера до полуночи, оплата – более чем достойная. Так какого черта?!

Вадим отложил вилку в сторону и ткнул кнопку подтверждения.

* * *

Перегрузка наступила мне на грудь своим тяжелым кованым сапогом, вжимая в кресло и не давая сделать вдох. Казалось, что под ее напором уже трещат ребра и рвутся внутренности. Однако брошенный на панель взгляд чуть ли ни издевательски извещал о том, что мы пока добрались только до четырех «же». А я сегодня самонадеянно обещался вытерпеть до шести! Проклятье! Придется терпеть, иначе засмеют, как пить дать!

Я крепче стиснул зубы, как заклинание крутя в голове одну и ту же мысль – я должен вынести все это ради будущего человечества, ради будущего Земли! Я должен!

Глаза заволокло темной пеленой, и правая рука, оставленная без присмотра, упала на красную кнопку экстренной остановки. Гул начал постепенно стихать, мельтешение бьющих по глазам огней начало распадаться на отдельные вспышки, и бессердечная перегрузка убрала свою ногу с моей грудной клетки. Ну вот, я снова проиграл.

Центрифуга коротко дернулась, окончательно остановившись, и над моей головой распахнулся люк.

– С возвращением на землю! – обслуживающим центрифугу техникам такая вещь, как сочувствие, похоже была неведома, – Вы там еще живы?

– Не уверен, – прохрипел я, расстегивая ремни, – надо бы у врачей уточнить.

– Олег Викторович, вы как? – в проем, заполонив собой почти половину кабины, просунулась вихрастая шевелюра Антона, моего куратора по тренировкам.

– Опять облажался. В прошлый раз и то лучше выступил. Староват я уже, наверное, для таких подвигов.

Я выбрался из кресла, борясь с искушением себя ощупать, поскольку мне казалось, что после перенесенных нагрузок мое выжатое тело стало плоским как опустошенный тюбик зубной пасты.

– Вы что?! Мы сегодня за пять с копейками перевалили! И все медицинские показатели оставались в пределах нормы, – Антон подал мне руку и помог вылезти на помост, – Для новичка и почти без подготовки вы держались просто отлично! Многие даже более молодые выглядят куда хуже! Немного практики – и станете настоящим космонавтом!

– Да ладно меня утешать-то!

– Я честно! – парень чуть не обиделся, – И я абсолютно уверен, что с медкомиссией у вас проблем не будет. Вы в отличной форме.

– Ага... бодр, подтянут, как атлет, обожравшийся котлет, – я безнадежно махнул рукой и побрел к выходу, расстегивая комбинезон.

Вообще-то, если уж начистоту, то сегодняшний результат меня и вправду порадовал. Да, как обычно, хотелось большего, но и нынешнее достижение выглядело вполне достойно, так что Антон если и кривил душой, то самую малость.

Ведь в прошлый раз я вырубился уже на четверке, а сегодня поплыл только после пяти «же». Прогресс налицо! Тем более что формальные требования ограничивались сохранением работоспособности при трех. Маловероятно, конечно, что в полете может потребоваться какое-то содействие от профессионального химика-технолога, но соответствовать нормативам все же следовало. Кто же знает, как оно может обернуться.

Скажи мне кто-нибудь лет пять назад, что я буду жить и работать во «внешнем мире» за Стеной, чувствовать себя при этом вполне счастливым и всерьез готовиться к командировке на металлургическое предприятие, строящееся в поясе астероидов, я бы даже санитаров вызывать не стал, ибо медицина здесь уже бессильна. Только эвтаназия. Но Жизнь порой оказывается вычурней любого бреда, делая возможным то, что ранее не посещало тебя даже в самых дурных снах.

Когда Овод ошаршил меня, что за Стеной существует и активно развивается своя масштабная космическая программа, у меня ушло немало времени, чтобы подобрать челюсть с пола. Но вот, пожалуйста, я уже почти неделю проходил тренировки на центрифуге, а с понедельника меня ждали занятия на имитаторе невесомости. Отработкой разнообразных нештатных ситуаций на симуляторе корабля я занимался уже без малого месяц.

Разгерметизация, отключение связи или энергоснабжения – следовало быть готовым к любому повороту, пусть даже в действительности самой страшной катастрофой станет перего-

ревшая лампочка. И поэтому мне волей-неволей пришлось подтянуть свои познания и навыки по весьма широкому профилю задач. От астрономии и баллистики до экстренной медицинской помощи.

Единственной ложечкой дегтя во всем предстоящем медовом великолепии оставалась разлука с Юлей, и нашим годовалым Киришей. Разумеется, заботу о малыше вполне было можно перепоручить няне, но мы все же предпочитали растить и воспитывать сына самостоятельно.

Да и формат моей командировки не предполагал семейного отдыха, более напоминая вахту на далеком полярном промысле. Тут уж не до домочадцев со скарбом и малышишками, тут выживать и работать надо.

Мы с Юлей долго обдумывали полученное мной предложение, взвешивая все его плюсы и минусы, и только по итогам семейного обсуждения я дал на него свое согласие, несмотря на то, что такая командировка несла с собой не только серьезные издержки, но и очевидный риск. И здесь, как ни странно, на наше решение оказал существенное влияние такой неожиданный фактор, как ответственность за будущее потомков и человечества в целом.

Звучит нелепо и даже смешно, правда? Я сам, помнится, немало подивился и столь неожиданным мыслям, обосновавшимся в моей голове, и тому факту, что Юля вполне разделяла мою точку зрения.

По всей видимости, дело в том, что люди, вышвырнутые на обочину цивилизации, очень скоро понимают, что их дальнейшее существование всецело зависит от совместных слаженных действий. В такой ситуации оголтелые индивидуалисты обречены на неизбежное вымирание, и только те, кто, сбившись в тесный коллектив, как единое целое работают на свое общее благополучие, получают хоть какие-то шансы на успех.

Жесточайший экономический кризис, разделивший современную Историю на «до» и «после», и рассекший мир на части как метафорическими и так и вполне реальными стенами, казалось, навсегда отбросил значительную долю человечества в дремучее средневековье и обрек на вымирание. Те, кому посчастливилось жить в границах Первого Мира, вполне оправданно считали себя избранными, поднявшимися на борт Ноева Ковчега, несущего уцелевший очаг Цивилизации и Культуры сквозь штормовой океан войн, нищеты и голода, в который превратилась большая часть остальной планеты. Жуткими историями о том, что творится по ту сторону Стены, мамы пугали своих непослушных сорванцов, а угроза депортации превратилась в наказание пострашней смертной казни.

В действительности же ситуация выглядела несколько иначе.

Кое-где люди и в самом деле скатились к откровенному варварству, существуя исключительно за счет разбоя и работоторговли. В некоторые районы даже армия предпочитала не соваться, ограничиваясь охраной границ и возведением многих километров инженерных заграждений, которые, видимо, и послужили прообразом той самой Стены.

Другим территориям повезло чуть больше, и там населению удалось удержаться от ввязывания в бесконечные кровавые междоусобицы, но на этом вся их удача и заканчивалась. Жизнь в отрыве от всех благ цивилизации – не сахар. Голод и болезни являлись постоянными спутниками тамошних обитателей, для которых каждый день мог стать последним. Власти более благополучных регионов время от времени отправляли в те края миссии для проведения вакцинаций или мероприятий по ограничению рождаемости. Ведь для любого родившегося и выросшего за Стеной человека стремление выбраться в Первый Мир становилось подчас смыслом самой жизни. И удержание численности потенциальных иммигрантов в приемлемых рамках превращалось в вопрос безопасности. А эпидемии так и вовсе никаких границ не признают.

Но среди всеобщих разрухи и деградации попадались и более-менее благополучные очаги, где сохранилась определенная промышленность, позволявшая обеспечить вполне при-

емлемый уровень жизни. Логично рассудив, что их дальнейшие перспективы неразрывно связаны с расширением и развитием имеющегося потенциала, люди засучили рукава и принялись за работу, выжимая максимум из того скудного пайка, что им достался. И, надо сказать, немало в этом преуспели! Дошло до того, что на промышленный потенциал этих кластеров обратили внимание многие компании, базирующиеся в нашей метрополии.

Довольно быстро выяснилось, что многие производственные процессы выгоднее перенести на предприятия, расположенные за Стеной, а вслед за промышленностью туда же постепенно начали мигрировать центры исследований и разработок. Пока еще Первый Мир оставался безоговорочным лидером в области технологий развлечений и ублажения человеческих капризов и прихотей, но даже здесь все больший процент работ отдавался вовне.

Сам же Первый Мир тем временем претерпевал целую череду трансформаций, порожденных, быть может, слишком уж безбедным существованием. Подобно тому, как у человека, помещенного в стерильную среду, оставшаяся без работы иммунная система постепенно сходит с ума, провоцируя все более острые аллергические реакции на любую мелочь, закуклившееся внутри Стены общество также начало демонстрировать все более тревожные признаки деградации.

Начиналось все с Психокоррекции, пытавшейся создать человека без изъянов и пороков, но лишь разжегшей в итоге конфликт между «пустышками» и «чистыми». Затем точно такой же волшебной пилюлей, способной излечить любые душевные болезни, казались Медиаторы, обещавшие сделать счастливыми всех без исключения, но которые, сами оставленные без присмотра, очень скоро доигрались до смертельно опасного передоза. А подавляющее большинство простых людей, тем временем, все глубже погружалось в синтетические миры Вирталии, неделями не всплывая в реальность и порой по много месяцев не покидая своих крохотных жилых квартир-капсул.

В этой связи у меня в голове раз за разом рисовалась одна и та же ассоциация, когда внешний мир представлялся эдаким жилистым трудягой с грубыми намозоленными ладонями, который вынужден пахать с утра до вечера, чтобы прокормить себя и свою семью, а символом Первого Мира выступал заплывший жиром домосед, с трудом добирающийся даже до уборной и крайне смутно представляющий себе, как устроена жизнь за давно заросшим паутиной и грязью окном.

Для меня самого первая командировка за Стену стала самым настоящим шоком, когда рухнули все ранее выстраиваемые образы и концепции мироздания. Я увидел совершенно иное общество, закалившееся в целой череде испытаний, познакомился с людьми, не чурающимися дерзких экспериментов и риска, я попробовал на вкус другую, терпкую и острую жизнь, полную авантюры, свершений и открытий. И, знаете что, мне это пришлось по душе!

Ту поездку на завод «Тарпан изотоп» я считаю едва ли не самой большой удачей в своей жизни. Моя судьба, вообще, сложилась крайне причудливым образом, регулярно бросая меня в самое пекло событий, оказывающих влияние на ход Истории. Мне «посчастливилось» стать непосредственным участником и трагедии в «Айсберге» и скандала со «Светлым городом». Так что на нехватку такой вот своеобразной «удачи» я никогда не жаловался, и время от времени мне даже хотелось немного поскучать.

Но не тут-то было!

Расширение производства требовало ресурсов, и исчерпание почти известных месторождений редкоземельных металлов заставило людей обратить взоры в космос. Ведь один-единственный железно-никелевый астероид средних размеров способен удовлетворить потребности человечества в кобальте, марганце, молибдене и прочих ценных металлах на сотни лет вперед!

Таким образом, я снова оказался вовлечен в проект по спасению нашей цивилизации. На сей раз от ресурсного голода. И с полным правом мог говорить об этом, не обрамляя пафосные

фразы в извиняющиеся кавычки. Я и в самом деле искренне верил в значимость и судьбоносность своей миссии.

В раздевалке, добравшись до своего коммуникатора, я обнаружил на нем дюжину пропущенных вызовов от Юли. Она прекрасно знала, где я нахожусь, и что во время тренировок я не смогу отвечать на ее звонки. И, тем не менее, она продолжала названивать снова и снова. А это означало, что произошло нечто действительно серьезное.

– Что стряслось? – я не стал тратить время на приветствия и прочие банальности.

– Отец в больнице. Кровоизлияние, – годы работы в секретариате Лиги научили ее излагать свои мысли кратко и четко, – Состояние тяжелое. Я вылетаю сегодня вечером. Ты со мной?

Способность Юли при необходимости переключаться в режим бездушного робота иногда меня откровенно пугала. Когда хорошо знакомый тебе человек начинает рассуждать о других людях, оперируя категориями, вроде «плюс», «минус», «работа», «отказ», то хочешь, не хочешь, а начнешь беспокоиться, примеряя такого рода оценки на себя самого.

Вообще, наши с ней отношения, несмотря на прошедшие годы и рождение Кирюши, до сих пор вызывали у меня определенное недоумение.

Холодной, расчетливой и предельно трезвомыслящей наследнице Клана Саттар не стало идти на поводу у сиюминутных эмоций и связывать свою судьбу с человеком, обитающим, так сказать, этажом ниже, но Юля никогда не обращала внимания на мнение окружающих. Она всегда поступала так, как считала нужным. Здесь и сейчас. Пусть даже в ущерб имиджу и репутации.

И, знаете что, интуиция ее еще ни разу не подводила. Ее отчаянные и дерзкие выходки неизменно приводили в итоге к росту популярности и повышению авторитета. Даже ее отец, пусть неохотно, но признавал, что Юля обладает удивительным чутьем, позволяющим любой поворот событий обращать себе на пользу.

Именно поэтому я ощущал себя немного неуютно – от меня-то ей никакой выгоды не перепало.

Но шли годы, и я начал уже воспринимать Юлю как вполне обычного человека, пока экстремальная ситуация не пробудила вновь к жизни ее темное механистическое нутро.

– Ты со мной?

– Разумеется! Когда вылетаем?

– Сегодня вечером. Билеты я уже забронировала.

– А как же Кирюша?

– Я уже договорилась с няней. Сложностей не будет.

И вот так всегда. По большому счету все ее вопросы являлись пустой формальностью. Ведь «Билеты я уже забронировала». Все учтено и предусмотрено ее холодным и расчетливым умом. Соппротивление бесполезно.

– Хорошо, скоро буду.

Всю дорогу до дома меня не покидало ощущение, что я не особо уверенно контактирую с землей под ногами. Александр Саттар, один из руководителей Лиги, всегда казался мне незыблемым монолитом, скалой, способной вынести любые потрясения. Известие о том, что его свалила болезнь, реально выбило меня из колеи. Да и прочие члены Лиги, полагаю, чувствовали себе немногим лучше.

Несомненно, за прошедшие несколько лет власть и влияние Лиги Корректоров существенно усохли, и ее участники более не могли свысока поплевывать на простых смертных, но и того, что оставалось, с лихвой хватило бы на несколько императорских семейств. Одной из основных заслуг Александра Саттара на посту ее Председателя являлось то, что в череде скандалов и кризисов ему удалось Лигу не только сохранить, но и в значительной степени заце-

ментировать ее привилегированное положение, пусть и не настолько влиятельное как прежде. Таким образом, вакуум, образовавшийся после ухода Председателя со сцены, вполне мог засосать в себя очень и очень многое, превратив все его достижения в труху.

Мне в голову упорно лезла аналогия с внезапно прихворнувшим слонем, на спине которого доселе покоился наш мир. Мало того, что двое его оставшихся коллег могут и не вынести резко возросшей ноши, так они непременно еще и перегрызутся между собой за оставленное им наследство.

Как ни крути, а перспективы рисовались исключительно тревожные и смутные. И наши личные хлопоты виделись лишь мелкой рябью на гребне неотвратимого девятого вала накатывающих проблем.

– Переодевайся быстрее! – Юля буквально втащила меня в дом, – Алан на связи, и у него есть что-то важное для нас.

– Алан?! – опешил я.

– Да. Давай быстрее!

Юля метнулась обратно в гостиную, а я, на ходу скидывая кроссовки, побежал в ванную помыть руки, которые после занятий в тренировочном центре все еще пахли металлом и машинным маслом.

Я никогда не отличался страстной ревностью Отелло, но тот факт, что моя супруга висела сейчас на линии со своим бывшим, немало меня взбудоражил. Внутри меня всколыхнулась давно позабытая первобытная агрессия, требующая оградить свою половину от излишнего внимания других самцов. Что ни говори, а *homo sapiens*, несмотря на все свои технологические достижения, еще недалеко ушел от скачущей по ветвям обезьяны. Мне пришлось немного поднапрячься, чтобы войти в комнату с более-менее нейтральным выражением лица.

– Привет, Олег! – поприветствовал меня Алан, как только я переступил порог.

– Привет! – отозвался я, небрежно махнув рукой и усаживаясь на диван рядом с Юлей.

Я не разговаривал с Аланом с самого момента нашего отъезда, и сейчас, получив возможность как следует его рассмотреть, я не мог не отметить, насколько сурово обошлись с ним прошедшие годы. В иной обстановке я вполне мог бы его и не узнать, настолько сильно он изменился.

Легкая инфернальность никуда из его облика не исчезла, черные как смоль волосы и мефистофелевский нос с горбинкой никуда не делись, но я не мог не отметить, что в Алане появилась какая-то... обреченность. Примерно так, возможно, выглядит выживший до предела спортсмен, который уже знает, что на призовое место он может не рассчитывать, но добежать дистанцию до конца ему все-таки надо. Человек, который впереди уже не видит никакой перспективы, человек, у которого отобрали *мечту*.

Скандал со «Светлым городом» и так попортил ему немало крови, а тут еще я у него жену увел – было от чего впасть в депрессию. Но все же самым сильным ударом для Алана стало предательство Киры и последовавшее за этим временное отстранение от работ над архитектурой Вирталии, в которую он вложил немалую часть своей души. Понимание того факта, что тебя банально использовали, а потом еще и назначили козлом отпущения, кого угодно заставит сунуть голову в петлю, и то, что Алан в таких условиях сумел сохранить остатки разума и здравого смысла, свидетельствовало об изрядном запасе его внутренней прочности.

Хотя без последствий не обошлось, о чем свидетельствовала проступившая на его висках серебристая седина. А отпущенная им черная с проседью борода делала его не столько старше, сколько мудрее. По крайней мере, внешне. Глядя с моей колокольни, этот штрих только придавал ему респектабельности, в отличие от моей собственной изрядно прореженной прожитыми годами макушки, что лишь добавляло мне поводов для неприязни. Ничего не могу с собой поделать, вы уж извините.

– Для начала я хотел бы обрисовать общую ситуацию, – Алан привычно потеребил свой нос, как поступал всегда в моменты глубокой задумчивости или серьезного волнения, – На данный момент Александр находится в тяжелом, но стабильном состоянии. Его мозг пострадал весьма серьезно, но врачам удалось остановить развитие болезни и зафиксировать текущее положение дел.

– И насколько серьезно он пострадал? – от степени дееспособности главы Лиги зависело весьма многое.

– Он полностью обездвижен. Даже моргнуть сам не может, – Алан встрепенулся, – но все когнитивные функции в порядке, соображает он будь здоров, как и всегда.

– Но каким образом все смогло пойти так далеко?! – вспыхнула Юля, – Инсульт – не взорвавшаяся в голове граната, требуется время, чтобы накопились столь серьезные последствия. Как такое вообще могло произойти?

– После твоего отъезда Александр стал совсем нелюдимым, – я видел, как сжались Юлины губы, но она удержалась от ненужных эмоциональных комментариев, – он даже своего робоскретаря отключил. И спохватились мы только после того, как он вторые сутки не отвечал на наши вызовы. Когда приехали, он лежал на полу в прихожей. И, как я понимаю, лежал он там уже достаточно долго. Узнай мы о его приступе вовремя – последствия были бы куда менее тяжелыми, а так мы имеем то, что имеем.

– Понятно, – я почти физически ощущал, каких усилий стоит Юле сохранять такое внешнее спокойствие, – что дальше?

– Ему подключили киберкортекс, чтобы восстановить хотя бы речевые функции... в процессе мы узнали о себе много нового и интересного... мда... Вы же знаете, как он недолюбливает все эти современные штуки.

– Представляю, – мне стоило немалого труда удержаться от улыбки. Александр терпеть не мог все версии нейроинтерфейсов, а импланты так и вовсе ненавидел лютой ненавистью.

– Проблему вполне можно было бы разрешить установкой нейронных шунтов, но очевидно, что сам пациент от такого варианта откажется наотрез.

– Какие имеются альтернативы? – я чувствовал, что у Алана есть, что предложить, иначе бы он и не позвонил, но его следовало аккуратно подвести к нужному повороту беседы, дать ему необходимый толчок, повод.

– Оцифровка.

– Это что еще за зверь?

– Мы уже несколько лет работаем над технологией квантовой памяти, позволяющей хранить фантастические объемы данных, не требующих абсолютной достоверности, – Алан запрыгнул на привычную тему, и дело сразу же пошло заметно веселей, – Звук, изображение и все тому подобное. А некоторое время назад мы начали экспериментировать с оцифровкой сознания.

– Чего-чего? – твердая земля в очередной раз выскользнула из-под моих ног.

– Мы воспроизводим в квантовом массиве точную копию высокоточной томографической картины, снятой с работающего мозга. Создаем, так сказать, цифрового двойника, полностью идентичного оригиналу. Эксперименты с крысами и собаками показали, что технология вполне работоспособна, и теперь мы вплотную подошли к опытам на людях...

– То есть мой отец для тебя – всего лишь удобный подопытный кролик?

– Он сам предложил такой вариант, – Алан пожал плечами, – Я держал его в курсе всех наших последних работ, и он прекрасно понимает, что к чему. Или рискнуть и войти в историю, или всю оставшуюся жизнь провести в роли бесполезного овоща. Вот ты сама что бы предпочла?

– Но он же бешено ненавидел все импланты, говорил, что никогда и никому не позволит лезть себе в голову! Почему отец так резко изменил свое мнение?

– Ну, в данном случае он наоборот, сам попробует залезть в нашу систему. И такая перспектива, как мне показалось, изрядно его забавляет. Он воспринимает такой поворот как нечто вроде изощренной... мести. Фигурально выражаясь, разумеется.

– Ты точно уверен, что его, эти, как их... когнитивные функции в порядке?

– В полном! – Алан замотал головой, – Тут у меня нет ни малейших сомнений. Слышали бы вы те тирады, что генерирует подключенный к его мозгу киберкортекс...

– Ладно, понятно, – Юлия побарабанила пальцами по столу, – Несокрушимой Преграды у нас в наличии нет, поэтому придется подчиниться Неодолимой Силе в лице моего папеньки. Что дальше?

– Мы планируем провести процедуру оцифровки завтра в нашем Центре Виртуальных Технологий. Дальнейшие шаги будем планировать по ее результатам.

– Но зачем так торопиться? – нахмурился я, – Днем раньше, днем позже... к чему такая спешка?

– Состояние Александра удалось временно стабилизировать, но как долго удастся поддерживать его жизнедеятельность, никто не знает...

– Только что ты говорил, что его состояние стабильно...

– На данный момент – да, – Алан виновато поморщился, – но никто не может дать стопроцентной гарантии, что такое состояние сохранится и завтра. Все очень зыбко, и мы не можем позволить себе излишний риск. Чем быстрее мы провернем соответствующую операцию – тем лучше.

– Ясно, – Юлия решительно рубанула воздух рукой, – Наш гиперджет вылетает сегодня вечером. Завтра утром мы будем у вас. Держи нас в курсе.

– Да. Хорошо, – после таких четких и ясных инструкций у большинства людей, как правило, полностью отключалась воля к сопротивлению. Все уже решено и распланировано, остается только покорно кивнуть. И Алан не стал исключением, – К вашему приезду у нас как раз все будет готово.

Юлия отключила связь, а я продолжал стоять посреди комнаты, прикрыв глаза и снова ощущая себя щепкой, подхваченной стремительным бурлящим потоком. Уже в который раз обстоятельства грубо выдергивали меня из уютного кокона выстроенных планов и швыряли на амбразуру неумолимой реальности, которая вовсе не спешила прислушиваться к моим наивным фантазиям. словно издеваясь, всякий раз, как только мне начинало казаться, что я, наконец, твердо встал на рельсы собственной судьбы, и грядущее более-менее предопределено, как свыше мне немедленно направлялось убедительное опровержение моих нелепых заблуждений.

Чтоб не зазнавался особо.

* * *

Сегодня «всплытие» оказалось на удивление безболезненным. Вадим некоторое время лежал неподвижно, внимательно прислушиваясь к сигналам своего тела, но оно упрямо свидетельствовало, что все в порядке, и беспокоиться не о чем. Даже странно.

Мучимый недоверием к своим собственным органам чувств, Вадим нашарил тапки и потрусил в ванную, чтобы как следует изучить свое отражение. Но, как он ни всматривался, ни единого повреждения на своем теле он обнаружить не смог. Единственное, что напоминало о последнем заказе – застывшие потеки воска на пальцах правой руки. Возможно, его даив держал зажженную свечу во время богослужения, и уронил на себя несколько капель.

Да подумай! Мелочь какая! За ту сумму, что была перечислена на его счет после сегодняшней ночной смены, Вадим вполне смирился бы даже с полноценным ожогом. А горячий воск – не настолько серьезный повод, чтобы изображать недовольство, иначе его деньги вполне могут достаться кому-нибудь другому.

При последующем более детальном осмотре Вадим обнаружил на своем плече остатки полустертого знака, выглядевшего как две параллельных горизонтальных полосы, нечто вроде слегка располневшего знака равенства. Быть может, таким образом помечали себя адепты того культа, в служении которого Вадим принимал участие?

Сфотографировав отражение своего плеча в зеркале, он подсел к терминалу и отправил запрос на поиск соответствующей информации. Через секунду на экране высветились полученные результаты. Отбросив откровенно нелепые и посторонние, Вадим наткнулся на весьма любопытные сведения.

Одна из трактовок подобного изображения именовалась «Колодец Карруха» и использовалась культом бога Карруха для обозначения путей, которыми он приходит в наш мир. Там еще присутствовали «Врата Карруха», его «Окна», «Перевалы» и прочее тому подобное. Причем все остальные руны также тем или иным образом обыгрывали различные математические символы, посвящая их способностям Карруха к приумножению, разделению, низведению и прочим мистическо-математическим талантам. Что было вполне объяснимо, поскольку соответствующий культ сформировался внутри Вирталии и обитал исключительно в ее виртуальной среде. Адепты культа именно там, в закрытых от посторонних зевак локациях, организовывали свои собрания и проводили службы.

Далее шло подробное описание сути культа, родословной Карруха и его бесчисленных пророчеств, но Вадим промотал этот текст, почти не читая. Все подобные манускрипты на одно лицо. Но он никак не мог сообразить, ради чего адептам данного верования вдруг понадобились люди для исполнения их чудаковатых ритуалов в реале?

Существующее законодательство крайне прохладно относилось к всевозможным сектам и доморощенным религиям, выходящим за рамки традиционных конфессий. Пока они варились внутри симулированных мирков, никто на их счет особо и не беспокоился. Но что могло понадобиться виртуальным верованиям в физическом, осязаемом мире? Какой смысл вытаскивать новомодное, пропитанное ультрасовременными технологиями божество в старомодную реальность, рискуя привлечь к себе нездоровое внимание правоохранителей?

Быть может, сам факт «материализации» культа рассматривался его приверженцами как подтверждение его значимости и истинности? Повышал его авторитет и придавал веса в религиозных диспутах с конкурентами? Несомненно, в Вирталии присутствовали и привычные религии, желавшие любыми путями приумножить свою паству и арендовавшие, порой, целые сектора для своих нужд, так что мешало их виртуальным аналогам двинуться в обратном направлении, обойдя противника с тыла и ударив ему в спину?

Прежние боги одряхлели и ослабли, а их цитадели, возведенные из давно просроченных ценностей и старых заплесневелых заветов, обращались в прах легким касанием пальца. Их гнев и кары более никого не пугали, их символы и атрибуты опустились до уровня стильных аксессуаров и тем для модных тэту, а их молитвы и песнопения превратились в сырье для этнической музыки. Время богобоязни миновало, наступила эпоха боговеселья. Новые времена настоятельно требовали новых идолов, адекватных мутировавшему порой до неузнаваемости мировоззрению и отвечавших чаяниям молодого, в значительной степени полувиртуального поколения. На руинах древних святилищ, подобно крапиве на пепелище, щедро взросли новые, незванные и дерзкие кумиры, и Каррух в числе прочих также претендовал на свой кусок религиозного пирога.

Так почему бы и нет?

Коли Карруху удастся переманить на свою сторону достаточное количество приверженцев, но Вадим, будучи на хорошем счету, может рассчитывать на определенные преференции со стороны Его Божественности. Ну а если нет – то ему ведь не убудет, а уже заработанные деньги все равно никуда не денутся. При любом варианте он ничего не терял, а вот приобрести мог очень даже многое! Такими отношениями стоит дорожить!

Рассудив таким образом, Вадим вызвал список заявок и, отыскав в нем новые запросы на участие в богослужениях, поставил сразу несколько отметок о своем согласии. Железо следует ковать, покуда оно горячо, верно?

* * *

Прежде всякий перелет на гиперджете неизменно впечатлял меня своей энергетикой и мощностью. Мне нравилось, как разгонная перегрузка вдавливают тело в поскрипывающее кресло, как бы придавая дополнительной весомости моей доселе заурядной личности. Теперь же я не мог сдерживать ухмылки, наблюдая за тем как покряхтывают остальные пассажиры, и с высоты приобретенного опыта оценивая текущий уровень ускорения всего в полтора «же». Интересно, как бы вы запели, покрути вас на центрифуге, а?

– Чему ты улыбаешься? – похоже, даже малейшее шевеление моей мимики не проходило для Юли незамеченным.

– Своему бывшему раздутому самомнению, – хмыкнул я, – Раньше после полета на гиперджете я почитал себя чуть ли не космонавтом, а сейчас понимаю, насколько был наивен и насколько далек от настоящей космонавтики. Так, подпрыгивал немного, полагая, что выгляжу как гордый буреветник.

– Да ты и сейчас – курица сухопутная. Вот когда слетаешь и вернешься живым и здоровым, тогда и будешь зазнаваться.

– Все, молчу.

Замечание супруги всколыхнуло во мне очередную волну рефлексии и самокопания. До инцидента в «Айсберге» я никогда не страдал подобными приступами, но вот после, восприняв пережитое там как своего рода урок, то и дело обеспокоенно оглядывался назад, придирчиво оценивая свои поступки и мысли на предмет проявлений неуместной гордыни.

Раньше, снисходительно глядя с высоты 238-го этажа на копошащихся далеко внизу муравьев-человечков, я пребывал в абсолютной убежденности, что такое положение вещей абсолютно справедливо, и что я в полной мере заслужил свое высокое во всех смыслах положение. Ведь я был *лучше!*

Последовавшие затем события весьма доходчиво объяснили мне, насколько глубоко я заблуждался, и что в действительности во мне не имелось ни грамма исключительности, и все мое мнимое превосходство – чистейшей воды самообман. Причем опасный, поскольку искажает восприятие окружающей реальности и может провоцировать на совершение непростибельных ошибок.

Вообще, удивительно, насколько легко люди соглашаются быть обманутыми, если это хотя бы немного тешит их изголодавшееся самолюбие. Стоит человеку даже немного вырваться вперед в какой-то избранной узкой области, как он немедленно начинает ощущать все нарастающее приятное чувство превосходства над окружающими.

Пробежал с утра десятку в парке – ага! Много ли из тех, кто едет с тобой сейчас в автобусе, могут похвастать таким достижением?

Твою статью приняли в рецензируемый научный журнал – отлично! Окружающие тебя бездари даже не догадываются, какой великий человек живет с ними по соседству.

Твой кулинарный блог набрал уже миллион подписчиков – то-то же! А чего в этой жизни добились вы?

Ты выдержал четыре «же» на центрифуге, а вы начинаете жалобно кряхтеть уже при полутора? Ха!

Любая, даже малозначительная мелочь может стать поводом для задиранья носа, после чего уже никому не будет никакого дела до того, что скромный старичок из соседней квартиры

– всемирно известный нейрохирург, а нечесаный парень, бредущий по тротуару – музыкант, творениями которого заслушивается вся Сеть, и так далее.

Я сделал! Я смог! Я молодец! Я – *лучше!* Эти мысли пьянят разум и отключают критическое мышление, заставляя человека уверовать в свою исключительность, свою избранность. Ну а там – один шаг до смертельно опасной ошибки, поскольку в основе его отношений с окружающим миром лежит иллюзия, самообман, зияющая пустота.

А вот жизнь за Стеной очень быстро учит различать напыщенное самомнение человека от его реальной ценности. Бесплезные хвастуны здесь просто не выживают. Мне повезло, поскольку мои таланты не ограничивались умением связно плести словеса перед Советом Директоров «Юраско», я действительно знал толк в современных химических технологиях и, если понадобится, мог хоть посреди голой степи построить из подручных материалов реактор нанокаталитического синтеза и запустить его в работу. Что ни говори, а детство, проведенное на свалке за заводом, давало о себе знать.

Такое положение дел вновь давало мне повод возгордиться, и я далеко не всегда оказывался способен оперативно с ним справиться. Подспудное желание презрительно фыркнуть на менее сообразительных коллег нет-нет, да и начинало щекотать мое эго. И порой лишь мысль о том, что они куда ловчее моего умеют управляться с пистолетом, удерживала меня от бестактной выходки. Ибо кобуры с оружием висели на боку у всех без исключения, а вспылить – дело недолгое.

В иных ситуациях роль балансира, не позволявшего мне чересчур зарываться, играла Юля, уроженка Клана Саттар, члены которого никогда не жаловались на нехватку денег, влияния или возможностей. Она регулярно приземляла меня с небес самолюбования на грешную землю, поскольку прекрасно видела, насколько наивны мои потуги на значимость в сравнении с реальной Властью, и не хотела, чтобы я больно ушибся, свалившись с этих иллюзорных высот.

Сама же она по собственной воле снизошла с тех небес несколько лет назад, устав волочить на своих плечах груз ответственности, неизбежно прилегающей к ее высокому положению. Устроенное Эдуардом покушение, роль заложницы в руках захватившего «Айсберг» Волочина, а потом еще развернувшееся в «Светлом городе» безумие и разлад с сыном... Быть может, эти удары судьбы что-то в ней надломили, не знаю, но она решила радикально сменить обстановку, избрав роль моей половины, каждый вечер ожидающей моего возвращения с работы и нянчащей нашего Кирюшку.

Хотя, признаться честно, Юля иногда напоминала мне грозную львицу, решившую немного отдохнуть после доброй охоты и разлегшуюся в теньке, терпеливо снося возню суетящихся вокруг нее несмышленных львят. Но, случись что, она вполне может обнажить клыки и показать когти, огласив окрестности грозным раскатистым рыком.

В аэропорту прилета нас встречал Егор, личный перфект Александра. Несмотря на почтенный возраст, он все еще держал марку, о чем можно было судить хотя бы по тому, что я его присутствие сперва почувствовал спинным мозгом, покрывшим гусиной кожей мое тело, и только потом увидел его самого.

Высокий и широкоплечий, он выделялся на фоне остальных ожидающих, подобно хмурому линкору среди стайки прогулочных яхт. И точно так же, как потрескавшийся многолетний слой краски на тяжелой броне не делает заслуженный боевой корабль менее грозным, поседевшие короткие волосы и изборожденное морщинами лицо отнюдь не превращали Егора в немощного старца. Так же, как прежде, вокруг него сохранялось почтительное пустое пространство – люди, пусть и на инстинктивном уровне, но понимали, что с таким человеком шутки плохи, и предпочитали сохранять безопасную дистанцию.

Современные охранные дроны уже давно справлялись с той же задачей и лучше и дешевле, но Александр, как человек старой закалки, всегда предпочитал все проверенное и

натуральное, ведь он самолично ваял Егора на протяжении почти всей жизни перфекта, вылепляя его совершенные рефлексы, оттачивая навыки и полируя абсолютную преданность. Ведь в критический момент, когда откажут все прочие системы и службы, единственной надеждой останется вот такое, доведенное до идеала оружие последнего рубежа обороны. Я даже несколько удивился, полагая, что в данной ситуации личному перфекту следовало бы неотлучно находиться у постели сраженного страшным недугом хозяина, но, видимо, сам Александр счел куда большей ценностью свою единственную дочь и отправил Егора встречать ее в аэропорту.

Юля, отбросив в сторону пустые церемонии и внешнюю солидность, радуясь встрече почти повисла у громилы на шее.

– Привет, дылда! – она ткнула его кулаком в бок, – Как дела, как сам?

– Все штатно, – он словно отчитывался не о собственном самочувствии, а докладывал о работе вверенного ему оборудования.

– Где сейчас отец?

– Его уже перевезли в Центр Виртуальных Технологий, где все готово к началу процедуры, – грозный перфект немного замылся, – Состояние Александра внушает серьезные опасения, и нам лучше поторопиться.

– Все настолько серьезно? – подключился к разговору я.

– Увы, да. Он сейчас находится на полном внешнем жизнеобеспечении и большую часть времени проводит в медикаментозном сне, чтобы замедлить развитие болезни.

– А когда просыпается, говорит что-нибудь?

– В основном ругается на чем свет стоит.

– Да уж, – кивнула Юля, – нам действительно следует поспешить.

Поскольку в наше распоряжение предоставили скоростной частный коптер, то путь до Центра занял всего несколько минут. Казалось, что я только-только разобрался с ремнями и устроился в кресле, как машина уже пошла на посадку. Похоже, что на счету и впрямь была каждая секунда.

Открывшаяся за окном панорама меня несколько озадачила. По старой привычке я при слове «технологии» представлял себе заводские цеха, ректификационные колонны, вонзающиеся в небо трубы и снующие по территории погрузчики. В подобной атмосфере прошла большая часть моей сознательной жизни, и вид утопающего в зелени парка с несколькими небольшими приземистыми строениями, больше напоминавшими корпуса санатория, радикально расходился с моими ожиданиями. В самом центре комплекса красовался аккуратный пруд, и мне даже показалось, что я вижу плавающих в нем лебедей. Да, слово «виртуальные» вносило определенные коррективы, но не настолько же!

Наш коптер заложил энергичный вираж и изящно опустился на посадочную площадку, расположенную прямо на белокаменной набережной. У ее края, придерживая срываемый ветром пиджак, нас уже ожидал Алан.

Только сейчас, уже расстегивая ремни, я запоздало осознал, что мне предстоит общение с предыдущим Юлиным супругом, который вряд ли испытывает ко мне особо теплые чувства. Вы не поверите, но за прошедшие несколько лет мы с ним ни разу не виделись и даже словом не перекинулись. В первое время и других дел хватало, после истории со «Светлым Городом» он даже в кутузке посидеть успел, ну а после в таких встречах уже не возникало необходимости. Все бракоразводные дела взяла на себя Юля, а я практически безвылазно торчал за Стеной, с головой погрузившись в работу. Кто знает, как он меня теперь встретит?

– Что-то не так? – Юля подалась вперед, заглядывая мне в лицо.

– Там Алан, – я потер лоб, – Вряд ли он придет в восторг, завидев меня.

– Ой, брось! – она рассмеялась, – Он уже не маленький мальчик, чтобы копить в себе старые обиды. Он давно перешагнул через этот камень на своем пути и пошел дальше.

– Будем надеяться, – я чмокнул ее в нос и погрозил пальцем, – Но если что – организуешь мне похороны по высшему разряду!

– Не беспокойся. Будут тебе и оркестр и плакальщицы. Вылезай уже!

Я, как истинный джентльмен, галантно пропустил жену вперед, и уже из-за ее надежной спины рассматривал приближавшегося к нам Алана. Должен сказать, что вживую он выглядел существенно бодрее, нежели во время последнего сеанса видеосвязи. Из облика Алана бесследно испарилась былая нескладная угловатость, исчезла импульсивность движений. Именно так и должен выглядеть руководитель серьезного проекта – уверенно и солидно.

– Привет, Юль! – он обнял ее за плечи и поцеловал в щеку, – Привет, Олег!

Подспудно я ожидал если и не аннигиляции, то хотя бы электрического удара, но ничего такого не произошло. Его рукопожатие было уверенным и крепким как всегда, хотя где-то в глубине его глаз все же промелькнуло нечто вроде старательно скрываемой досады. Мое общество очевидно не доставляло Алану большой радости.

– Симпатично тут у вас! – Юля решила прервать наш затянувшийся обмен изучающими взглядами, – Птички плавают...

Я обернулся на пруд, гладь которого и впрямь величаво бороздили несколько грациозных лебедей. Чуть дальше, у противоположного берега, виднелась стайка уток, то и дело нырявших под воду в поисках пропитания.

– Бассейн системы охлаждения, – пояснил Алан, – Почему бы не совместить полезное с приятным, верно?

– Системы охлаждения? – переспросил я, рассматривая россыпи кувшинок.

– Идем, – Алан качнул головой, приглашая нас следовать за собой, и зашагал по мощеной белыми плитами дорожке. Юля велела Егору ожидать нас в коптере, и мы поспешили следом.

– В данный момент мы в Центре отрабатываем систему голографической памяти, исповедующей совершенно иной подход к хранению информации, нежели все то, к чему люди привыкли за последние десятилетия.

Алан немедленно оседлал своего любимого конька, радуясь возможности отвлечься от неприятных мыслей.

– Человечество так глубоко погрузилось в цифровые технологии, что уже не мыслит себе работу с данными иначе, нежели как через конвертацию всего и вся в бесконечные массивы цифр. Тем самым мы сами загоняем себя в тесные рамки такого дискретного представления, требующего от нас постоянно определяться, где нолик, а где единичка, где черное, а где белое, где истина, а где ложь, исключая любые промежуточные варианты, отвергая возможные полутона и оттенки. Но окружающая нас Природа ведь устроена и функционирует совершенно иначе!

Он взмахнул рукой, широким жестом обведя зеленые лужайки с редкими деревцами и пруд за нашими спинами.

– Мы с вами живем в мире, сотканном не из сухих цифр и мертвых алгоритмов, а из образов, любая попытка формализовать которые неизбежно приводит к потере значительной части информации, оставляя от них по сути высушенные скелеты. Мы же здесь пошли другим путем.

Дорожка обогнула густые заросли лещины, и перед нами открылся вид на главный корпус Центра – приземистое извивающееся здание с широкими окнами, делающими его чем-то похожим на толстую стеклянную змею. Насколько я понял, Алан произносил свою лекцию далеко не в первый раз, приветствуя ею всех прибывающих сюда гостей, что позволило ему довести до блеска не только сам текст, но и его тайминг, подгадывая соответствующие фразы к подходящему моменту.

– Наша технология голографической памяти использует квантовые кристаллы – огромные массивы, позволяющие хранить не отдельные дискретные записи о каком-то предмете или явлении, но его образ целиком, во всех деталях, с сохранением даже самых мелких нюансов и тончайших полутонов, – энтузиазм и возбуждение Алана явно выплеснулись за рамки предписанного сценария, выдавая его истинную увлеченность происходящим,

– Мы более не создаем примитивную имитацию существующей реальности, мы строим свою собственную!

– И много уже успели построить? – попробовал поддеть его я.

Новые технологии пока доступны только для пользователей премиального сегмента Вирталии, но мы непрерывно расширяемся и наращиваем как число пользователей так и выбор доступных локаций. Возможности нашей технологии полней всего раскрываются на природных ландшафтах – их-то по линейке не расчертишь, а наша Система способна воспроизводить их вплоть до отдельных песчинок! На сегодня все отзывы – исключительно восхищенные.

– А насчет этих... как там... «оцифровок» уже есть какие-то результаты?

– Юля могла сколько угодно корчить из себя наивную дурочку, но в действительности все подобные рекламные речи проходили мимо нее, как вода сквозь песок, после чего она начинала задавать неудобные вопросы.

– Разумеется! – Алан тоже был не лыком шит, – Мы пошли навстречу пожеланиям некоторых наших сотрудников и перенесли в нашу систему образы нескольких их домашних питомцев. Они уже достигли весьма почтенного возраста, а расставаться с ними хозяева, естественно, не желали.

– И что получилось?

– Мы сформировали отдельный сегмент Вирталии, куда переместили получившиеся образы, и их хозяева, пообщавшись с виртуальной копией, утверждают, что они ведут себя абсолютно так же, как и их живые прототипы. Люди даже возвращаться обратно в реал не хотели, настолько все выглядело правдоподобно!

– Строго говоря, мой отец – все же не доберман и не терьер, чтобы сравнивать.

– Я не хотел никого обидеть! – вспыхнул Алан, – Нынешние возможности системы во много крат превосходят те робкие пробы, что мы предпринимали пару лет назад! Сейчас она вполне способна в полном объеме вместить в себя сознание миллионов человек, сохранив все особенности их характеров и склада ума.

– Вы уже пробовали?

– Только тесты. Существующая регуляторная структура не позволяет проводить эксперименты с людьми, и нам приходится подчиняться.

– Я тебя умоляю! – в одной единственной фразе Юля умудрилась уместить все свое влияние, открывавшее любые двери и умевшее обходить любые законы.

– Я не обязан отчитываться перед каждым встречным, – казалось, что Алан испытывает садистское удовлетворение, макая свою бывшую супругу носом в дурно пахнущую субстанцию, которая обильно пропитывала все мало-мальски значимые юридические документы, – Наша внутренняя кухня никого не касается.

– Разумеется! – Юля послушно отступила в сторону, пытаясь по максимуму извлечь ценную информацию не столько из того, что было сказано, сколько из того, о чем было умолчано. Уж чем-чем, а этим искусством она владела в совершенстве.

– И какой объем информации способна переварить ваша система? – мы вступили под сень витиеватых конструкций Центра, и я решил слегка охладить дискуссию.

– Теоретически, емкость квантового хранилища ничем не ограничена, – Алан определенно наслаждался произведенным эффектом, – Голограмма как раз тем и отличается, что способна вместить в себя сколь угодно большое количество информации. Вопрос лишь в детальности сохраняемых данных.

– То есть?

– Принцип работы голографической памяти очень похож на память человека, – Алан щелкнул пальцами, он определенно ждал этого вопроса, – Вы знаете, что такое «прескевию»?

– Понятия не имею, – честно признался я, поймав согласный кивок Юли.

– Это ситуация, когда вы никак не можете вспомнить слово, буквально вертящееся у вас на языке. То есть оно вам, несомненно, прекрасно известно, только слегка подзабылось, закатилось в дальний угол вашей памяти, поскольку вы давно им не пользовались. Так же и здесь – любая информация, попавшая в систему, сохраняется там навсегда, вопрос лишь в том, насколько детализированными и подробными будут воспоминания о ней. Но если данные регулярно подновлять – никаких проблем не будет.

При нашем приближении высокие стеклянные двери скользнули в стороны, и мы вступили в прохладу центрального холла.

– То есть, повторюсь, формально мы способны хранить практически бесконечный объем информации, – Алан развернулся и раскинул руки в стороны, представляя нам свое детище, – Вопрос лишь в том, насколько эти данные важны лично для вас, и как часто вы ими пользуетесь.

– И насколько дорого обходится это удовольствие? – не унималась Юля.

– Деньги – сущая пыль, когда речь идет о *Будущем*, хотя передовые технологические прорывы, несомненно, всегда обходятся весьма недешево, – Алан повернулся ко мне, найдя в моем лице ситуативного союзника, – Если вас интересует техническая сторона вопроса, то главная сложность состоит в том, что квантовые монокристаллы необходимо содержать при температуре, близкой к абсолютному нулю. Именно для этого и существует Система Охлаждения – огромная многоэтажная криогенная установка, главный бассейн которой вы уже видели. Вода в нем не замерзает даже зимой, и утки у нас тут круглый год гостят.

– А если охлаждение откажет? – работа по ту сторону Стены поневоле заставляет беспокоиться о самых неожиданных поворотах, – Что тогда? Вся информация будет утеряна?

– Такой сценарий представляется крайне маловероятным, все системы имеют как минимум двукратное резервирование. Но, если рассуждать гипотетически, то накопленные в системе токи, вырвавшись на волю, вполне способны устроить взрыв, сравнимый по мощности с детонацией небольшого ядерного заряда. Так что утеряна будет не только информация, но вместе с ней и весь наш комплекс.

– Ничего себе! – вполне искренне удивилась Юля, – И не страшно вам здесь работать, сидя верхом на атомной бомбе?

– Так ведь почти любая сложная техническая система – в той или иной степени опасна. И даже взрывоопасна, – Алан покосился на меня, – Разве не так?

Мне не оставалось ничего другого, кроме как беспомощно развести руками. Те химические комбинаты, строительством и наладкой которых я занимался там, по другую сторону Стены, в случае аварии могли рвануть так, что кратер из космоса было бы видно. Однако мой ежедневный риск жену почему-то ничуть не страшил. Быть может потому, что авария на реакторе каталитического синтеза – штука интуитивно понятная, подспудно ожидаемая и вопросов не вызывает, а вот вполне реальная возможность взлететь на воздух, работая с виртуальными технологиями неподготовленного человека немного шокирует.

– Ну и где этот ваш пороховой склад, – я покрутил головой по сторонам, но не обнаружил ничего похожего на шкафы с оборудованием и рабочие места операторов. Только небольшую стойку ресепшна.

– Под землей, где же еще? – Алан жестом предложил нам пройти к лифту, – Квантовые системы весьма чувствительны к любым помехам, поэтому нам приходится максимально ограждать их и от внешнего электромагнитного фона, и от вибраций, и от космических лучей.

– Какое-то не особо надежное место, для того, чтобы поселить здесь копию моего отца, – подозрительно нахмурилась Юля, – если любой чих способен вывести все из строя.

– Ну, строго говоря, человеческий мозг – тоже весьма нежная субстанция, – пропустив нас вперед, Алан зашел в лифт и нажал кнопку нужного этажа, – Именно поэтому он хранится в крепкой и надежной коробочке.

Он постучал себя пальцем по лбу, и мы были вынуждены признать, что в его словах все же присутствует определенная доля истины. Абсолютно надежных систем не существует в принципе, и мы, в погоне за производительностью и объемами, раз за разом вынуждены использовать все более нежные и уязвимые средства. Тут уж либо соглашаешься на неизбежные издержки и сопутствующий риск, либо возвращаешься к древнешумерской клинописи на глиняных табличках. Уж они-то нас всех переживут наверняка.

Лифт доставил нас на один из подземных этажей, и вот тут уже атмосфера куда больше походила на то, каким я представлял себе научный центр, занимающийся разработкой современных технологий. Обилие стоек с аппаратурой, гудение вентиляторов, перемигивание сигнальных огоньков – я почувствовал себя почти как дома. Вот только в моих епархиях вместо проводов использовались трубы в три обхвата, да и гудело там существенно громче.

Нам пришлось немного потесниться, чтобы разместить все необходимое медицинское оборудование, – пояснил Алан, подведя нас к двери в конце коридора, – Мы же не планировали, что здесь придется организовывать реанимационное отделение.

Он потянул за ручку, и мы вошли в зал, отделенный от остальных помещений глухой перегородкой. Царящая здесь атмосфера разительно отличалась от того, что нам довелось наблюдать, пока мы шли от лифта. Если в других лабораториях шла напряженная, но спокойная и планомерная работа, то в этом помещении безраздельно царствовал Его Величество Аврал.

Нас немедленно захлестнула атмосфера всеобщей суматохи. Люди перебежали с места на место, о чем-то спорили, энергично размахивая руками, переругивались... но делали все это немного странно – шепотом.

На нас никто не обратил внимания, кроме одного лаборанта в съехавшем набок белом халате, который подскочил к Алану и, запыхавшись, протараторил:

– Все почти готово! Мы расчистили восемнадцатый узел и перемкнули на него зарезервированные каналы. Теперь нам пропускной способности должно хватить с запасом.

– Хорошо, – Алан кивнул на огороженный занавеской угол комнаты, – как он сам?

– Стабильно. Недавно проснулся и опять срывался на нас, требуя поторопиться. И куда он так спешит? На кладбище, что ли? – парень запнулся и, покосившись на Юлю, густо покраснел, – Извините.

– Папенька в своем репертуаре, – невозмутимо хмыкнула она, – Мы можем с ним пообщаться?

– Да, разумеется! Идемте.

Как и говорил Алан, обстановка за занавесками, действительно, больше походила на больничную палату. Хотя, при современном уровне развития медицинских технологий, различий набиралось не так уж и много. Все те же провода, мигающие лампочки... Но расположившаяся посреди нагромождений приборов больничная койка расставляла все по своим местам.

Я никому бы не пожелал увидеть однажды кого-то из своих родных или близких в реанимационном отделении. Беспомощное и беззащитное тело под белой простыней, бывшее еще недавно активным и жизнерадостным человеком – не самое воодушевляющее зрелище.

Но вот в когда подобную обтянутую серой морщинистой кожей кучку дряхлых костей превращается тот, кто некогда являл собой средоточие влияния и власти, и по чьему мановению руки приходили в движение народы и целые страны – то тут становится реально жутко. Трудно представить себе более доходчивую демонстрацию того, насколько слаб человек, и насколько ничтожны и жалки любые его амбиции и притязания. И если Александра Саттара

хотя бы будут помнить потомки, то от меня кроме надписи на надгробии вообще ничегошеньки не останется.

Так себе ощущение, доложу я вам.

– Папа? – Юля шагнула к кровати, одновременно крепче стиснув мою ладонь.

– Кто здесь? – я вздрогнул, когда знакомый хрипловатый голос вдруг донесся не от изголовья, а из стоящего рядом на столе динамика. Алан же предупреждал, что Александр полностью парализован, и для восстановления речевых функций им пришлось задействовать киберкортекс, видневшийся из-под его испещренной пигментными пятнами головы.

– Это я, пап. Как ты себя чувствуешь?

– Юлечка?! Ну наконец-то! – передать всю гамму испытываемых Александром чувств – не самая тривиальная задача для синтетического голоса, но он честно старался, – Я тут с этими остолопами чуть с ума не сошел! Никто ничего не знает, никто ни за что не отвечает, никому нет до меня никакого дела – такое впечатление, что Алан специально набирает на работу сплошных недотеп, чтобы выглядеть на их фоне воплощенным гением.

– Папа!

– Что? Он тоже здесь? Ну и отлично, пусть знает, что я о нем думаю.

– Спасибо на добром слове, – буркнул Алан, уже привычный к закидонам своего бывшего тестя, – Кстати, у нас все готово и мы можем начинать процедуру в любой момент. Только дайте знать, когда Ваш уровень желчи придет в норму.

– Вам нужен мой мозг? Так он всегда в норме... по крайней мере, та его часть, которая вам требуется! При чем тут желчь? Приступайте хоть сейчас.

– Хорошо, – невозмутимо кивнул Алан, – Мы начинаем готовить установку.

Он развернулся и зашагал обратно к работавшим в зале специалистам, а Юля присела на табурет возле койки и взяла в руки сухую морщинистую ладонь отца. Мне показалось не совсем уместным подслушивать, и я тихо выскользнул вслед за Аланом. Мне все же хотелось выведать у него какие-нибудь технические детали предстоящей операции.

Выскачив за занавеску, Алан немедленно приступил к раздаче указаний, которые его команда восприняла с явным облегчением. Как ни крути, а люди уже изрядно подустали работать «за шторкой», испытывая ежечасный прессинг руководства с одной стороны и выслушивая непрестанные претензии своего дряхлого пациента с другой. Перспектива скорого окончания этого измывательства словно вдохнула в них новые силы.

– По какому принципу работает система? – вернул я свой вопрос, воспользовавшись короткой передышкой.

– Объемная томография сверхвысокого разрешения, – Алан в мою сторону даже головы не повернул, продолжая следить за ходом работ, – Мы погрузим Александра в глубокий медикаментозный сон, чтобы снизить до минимума мозговую активность, и просканируем его серое вещество. Полученная картинка напрямую транслируется в квантовый массив, где воссоздается точная копия. Потом мы снимаем ее «заморозку», и она начинает жить своей жизнью.

– То есть в какой-то момент мы получим двух Александров Сатаров – одного реального и одного виртуального? Они между собой не переругаются?

– Будет любопытно понаблюдать, – Алан коротко усмехнулся, – Извини, у меня сейчас куча дел...

Он присоединился к другим специалистам, утрясавшим последние детали предстоящей операции, и мне ничего не оставалось, кроме как вернуться в импровизированную палату к Юле и ее отцу.

Происходящие здесь события также заметно активизировались. Суесящиеся вокруг каталки медики готовили Александра к транспортировке, и нам с женой пришлось отойти в сторонку, чтобы не путаться у них под ногами.

Юля снова стиснула мою руку, и я, внезапно осознав, насколько сильно она взволнована, обнял ее за плечи, чтобы хоть немного успокоить. Я по сей день не мог привыкнуть к тому, что под ее внешней скорлупой образа сильной и уверенной в себе женщины скрывался обычный живой человек со своими страхами и слабостями. Все же Юлия Сагтар, как истинная представительница своего Клана, прекрасно умела держать себя на публике, и те случаи, когда ее истинное лицо ненадолго пробивалось наружу, можно было пересчитать по пальцам.

Каталку с Александром тем временем перекатали к большой установке, выглядевшей немного пугающе. Она представляла собой две полусферы опутанных проводами и шлангами, с которых кое-где стекали струйки морозного тумана. Вся конструкция напоминала волосатого пакмана-переростка, и прямо в его разинутую пасть как раз задвинули голову старика.

– На время процедуры киберкортекс придется снять, – я даже вздрогнул, неожиданно услышав над самым ухом голос Алана, – Если у вас осталось, что сказать, то давайте побыстрее, мы не можем держать выделенные каналы в резерве бесконечно.

– Да, хорошо, – Юля еще сильнее сжала мою ладонь, – Мы быстро.

При нашем приближении медики отступили в стороны, но все равно, ни о каком приватном разговоре не могло быть и речи. Придется ограничиться общими фразами.

– Папа, ты меня слышишь? Они уже начинают операцию, так что нам пора. Мы будем тебя ждать!

– Ничего, это ненадолго. Олечка тоже здесь?

– Да, я рядом.

– Береги Юльку, малой. Вернусь – проверю!

– Не извольте беспокоиться.

– Вот и славно. А теперь я с вашего позволения немного вздремну, верно, Алан?

– Все верно, – кивнул тот и махнул рукой толпящемуся вокруг персоналу, – Приступайте!

Нас с женой вежливо но решительно оттеснили в сторону, и нам не оставалось ничего другого, как вернуться в зал, где все причастные сгрудились перед стойкой с мониторами, отображавшими различные аспекты общего процесса. Кто-то сердобольный принес нам два стула, и только присев, я понял, как гудят мои ноги, причем не столько от усталости, сколько от волнения.

Вскоре к остальной компании присоединился и Алан, после чего все внимание сфокусировалось на медицинском терминале. Под действием введенного лекарства Александр все глубже погружался в сон, и через несколько минут почти все графики мозговой деятельности вытянулись в ровные линии.

– Какая готовность? – охрипшим от напряжения голосом спросил Алан.

– Все каналы открыты, мы можем начинать.

– Тогда поехали!

Я подсознательно ожидал каких-нибудь изменений, усиления гудения аппаратуры, более интенсивного мельтешения огоньков, но ничего такого не заметил, хотя процесс сканирования, как я понял, уже начался. Инженеры обменивались отдельными замечаниями, но я, хоть и сам постоянно имею дело с разнообразной техникой, почти ничего из сказанного не понимал. Складывалось впечатление, что они разговаривают на каком-то иностранном языке, в котором мне удавалось распознавать только предлоги и междометия. А о содержании фраз оставалось только гадать, ориентируясь на интонации и жестикуляцию людей.

– Что сейчас происходит? – шепотом поинтересовалась Юля.

– Понятия не имею, – честно признался я, – Но, насколько я могу судить, пока ситуация развивается в соответствии с ранее намеченным планом. По крайней мере, никто не паникует – уже хороший знак.

Тем не менее, я буквально кожей ощущал пропитавшее воздух общее напряжение, постепенно нараставшее по мере того, как процедура близилась к своему завершению. Разговоров

стало меньше, теперь все ограничивалось редким обменом односложными репликами, кое-кто, как я мог видеть, ждали кулаки на удачу. Пошли финальные секунды...

– Готово! – отрапортовал техник, сидевший за операторским пультом.

Я ожидал сопутствующего взрыва эмоций, но реакция присутствующих оказалась на удивление сдержанной и сухой. По комнате разнесся общий вздох облегчения – и все. Не в силах более терпеть состояние неопределенности, мы рискнули подойти и побеспокоить Алана.

– Как все прошло?

– Вообще-то еще ничего не закончено, – осадил он нас, – но этап первичного сканирования мы уже одолели.

– В голове не укладывается, – нахмурился я, – Каким образом весь объем человеческого сознания возможно перекачать за столь короткое время?! И десяти минут не прошло! Это же гигантский, просто космический объем данных!

– Ты опять подходишь ко всему со старыми мерками, – похоже, у Алана выдалась свободная минутка, и он был не прочь еще разок блеснуть на фоне моей серости, – Мы работаем не с числами, а с образами. Разве тебе много времени требуется, чтобы впитать глазами окружающий пейзаж? Одного мига достаточно, правда? Так же и здесь.

Я все еще с некоторым трудом умещал в голове термины и понятия, которыми он оперировал, равно как и совершенно иные принципы работы с информацией, что лежали в основе новых технологий, но решил не донимать Алана глупыми расспросами. У него сейчас и так забот хватало.

– Понятно, – я послушно прикинулся понятливым и сообразительным, – Что дальше?

– Сформированной копии требуется некоторое время для того, чтобы стабилизироваться и войти в единый ритм с остальной системой, – Алан окинул рукой стойки с аппаратурой, – А после мы ее разморозим и попробуем задать несколько вопросов. Нам же нужно убедиться, что виртуальный образ соответствует оригиналу.

В этот момент к нему подскочил кто-то из медиков и кратко отчитался:

– Жизненные параметры в норме, состояние стабильное.

Только сейчас я поймал себя на мысли, что мы куда больше беспокоимся о состоянии виртуального двойника Александра, нежели о самочувствии его материального прототипа. Мне даже стало немного стыдно, и я постарался исправить упущение:

– Как скоро он выйдет из состояния сна?

– Минут десять-пятнадцать, не больше, – отмахнулся Алан, – нужно только не забыть вытащить его из сканера. А то потом опять нам припоминать будет.

Он снова подскочил к операторам, дежурившим у мониторов, переживая за судьбу квантовой копии.

– Мы уже отсоединили квантовые каналы и сейчас наблюдаем существенный прирост активности на втором и третьем узлах, – доложил оператор.

– Отлично! Все развивается в точном соответствии с прогнозом.

– Поле уже стабилизировалось, – отчитался другой, – Уровень флуктуаций не превышает типового среднего значения.

– Ну что, думаете, уже можно?

– Да, вполне.

– Хорошо, – Алан задумался, и я вдруг сообразил, что предстоящие события, возможно, войдут в историю наравне с первым полетом человека в космос и запуском первого термоядерного реактора.

Первый перенос человеческого разума в виртуальную среду – это вам не котенок чихнул, такое событие, чем черт не шутит, способно радикально изменить всю нашу цивилизацию. Невероятно сложно сохранять хладнокровие, когда от одного твоего кивка может измениться *будущее*. Так что Алан определенно нервничал, хотя и старался не подавать вида.

– Ну ладно, – он решительно махнул рукой, – размораживайте!

– Время шестнадцать часов двадцать четыре минуты, – отметил оператор для протокола, – Начинаем снятие блокировок.

И вновь я подспудно ожидал каких-нибудь внешних проявлений, хотя и догадывался, что все мои фантазии – полная глупость. Мы же не крекинговую установку запускаем, где начинают бултыхаться и ворочаться тонны сырья. Совершенно некстати в памяти еще всплыли недавние слова Алана о заложенной под нашими ногами бомбе.

– Что-то не так? – Юлия встревожено заглянула мне в глаза, почувствовав, как меня пере-дернуло.

– Нервишки малость шалют. Не каждый день доводится при таком присутствовать.

– Тебе-то с чего волноваться? – у нее вырвался короткий нервный смешок, – Не твоего же отца в цифровую консерву закатывают!

– Не в цифровую, а в квантовую, – буркнул, не оборачиваясь, Алан, – это не одно и то же.

Я как раз собирался съязвить насчет того, что слово «консерва» у него, что характерно, никаких возражений не вызвало, но в этот момент техник ткнул пальцем в монитор и воскликнул:

– Отмечается резкий рост трафика на интерконнекторах! Всплеск активности на четвертом, пятом и восьмом узлах!

– Что за ерунда?! – Алан подался вперед, всматриваясь в пляшущие на экранах показатели, – Куда его несет?! Кто ему разрешил?!

– Ну, он же не комнатная собачка, чтобы все делать только по команде хозяина, – резонно заметил оператор, – От человека вполне логично ожидать проявления некоторой инициативы.

– Заткнись и работай! – огрызнулся Алан, явно теряя самоконтроль, – Подключите мне микрофон!

– Активность на первом и шестом... – заикнулся, было, техник, но тут же умолк, услышав гневный рык босса.

– Что происходит? – шепотом поинтересовался я у одного из специалистов, решившего на всякий случай отойти подальше и теперь беспокойно переминавшегося рядом с нами.

– Отсканированный образ начал расползаться по всей системе, – он задумчиво поскреб затылок, – Раньше такого не наблюдалось, перемещенное сознание оставалось в той секции, куда его помещали изначально. Но человек – не собачка, это верно.

– А зачем микрофон?

– Чтобы попробовать с ним связаться. Сказанное будет транслироваться по всем виртуальным локациям, и любой, кто сейчас подключен к Виргалии, его услышит. Ну и Саттар, надо полагать, тоже.

– Ясно.

Я попытался представить себе, как это воспринимается изнутри, когда зычный голос начинает нестись буквально отовсюду, настигая людей даже в самых дальних уголках и обрушиваясь на них порой в самые неподходящие моменты. Быть может, именно так и должен выглядеть Глас Божий?

Алану как раз принесли микрофон, и он почти вырвал его из рук техника.

– Раз, раз... Раз, два, три, проверка, – он прокашлялся и обернулся к дежурившим перед мониторами операторам, – ну как, работает?

– Да, Вы в эфире.

Я едва удержался, чтобы не прыснуть. Кашляющий и бубнящий «раз, два...» Всевышний – это именно то божество, которое заслужило нынешнее Человечество, обменявшее горькую и жестокую реальность на ее выхолощенную обезжиренную имитацию. Каковы люди – таковы и их идолы, так что все закономерно.

– Александр Георгиевич! Вы меня слышите? – глядя на напряженную позу Алана и его сосредоточенное лицо, можно было подумать, что ему приходится чуть ли не силой заталкивать слова в микрофон. На его седых висках проступили капли пота.

В помещении воцарилась полная тишина, но недра Системы хранили молчание.

– Александр Саттар, ответьте!

И вновь ничего.

– Какого ответа мы ждем? – я наклонился к уху стоящего рядом техника.

– Если старик уже успел освоиться, то он должен отозваться, – тот нервно переступил с ноги на ногу, – По крайней мере, в ответ на обращение к нему, должны наблюдаться хоть какие-то всплески активности в тех узлах, где локализован его образ.

– Но, насколько я понимаю, его образ уже успел разбрестись чуть ли по всем узлам Системы.

– Это и беспокоит. Такого развития событий мы не предполагали, и один черт знает, что там сейчас творится.

В этот момент оператор, следивший за показаниями на мониторах, откинулся на спинку кресла и недоуменно развел руками.

– Я ничего не понимаю!

– Что еще?! – почти взвизгнул Алан, нервы которого и без того уже звенели как натянутые струны.

– Активность на всех узлах начала снижаться и практически вернулась к нормальным значениям. Перестройка структуры завершена.

– Но тогда почему он не отвечает на наши запросы?!

Оператор попытался развести руками еще шире, но уткнулся в сидящих рядом коллег.

– Просто замечательно! – Алан тяжело выпрямился и бросил бесполезный микрофон на стол, – Чудесно!

– Что случилось? – спокойный голос Юли на общем взвинченном фоне воспринимался как айсберг, всплывший посреди жаркого южного моря, – Где мой отец?

Рука Алана рефлекторно дернулась, чтобы указать на медицинский отсек за занавеской, но была остановлена на полпути. И я даже не знаю, какого волевого усилия ему это стоило. Он сделал глубокий вдох и повернулся к нам, привычно теребя свой нос.

– Мы разместили отсканированный образ его мозга во втором и третьем узлах Системы, – заговорил Алан уже спокойней. Ему и самому требовалась короткая передышка, чтобы собраться с мыслями, – Во время интеграции нового образа в существующую картину всегда наблюдается рост активности внутри общей голограммы, но потом все возвращается в норму. Поначалу процесс развивался в полном соответствии с намеченным планом, но после все выплеснулось за установленные рамки и разбрелось по остальным узлам. А сейчас все стихло и не подает никаких признаков жизни. У меня пока нет внятного объяснения произошедшему, нам потребуется определенное время, чтобы проанализировать полученные данные.

– Так все же, где мой отец? – Юлия никогда не удовлетворялась общими отговорками, – И почему он не отвечает на запросы?

– Я понятия не имею, где он! Образ расплзся по всей Системе и такое впечатление, что он теперь... повсюду. И что у него на уме неизвестно никому.

Александр всегда недолюбливал новомодные виртуальные штуковины, – подал голос я, – и относился к ним чуть ли не с брезгливостью. А сегодня, насколько я понял, он, едва попав внутрь Системы, развил неожиданно активную деятельность, хозяйничая там как у себя дома. Что-то не клеится.

– Давайтеждемся, когда он проснется, и тогда сами у него спросим, – предложил Алан, – узнаем все из первых рук.

– Ладно, – кивнула Юлия, – а пока я бы не отказалась от чашечки...

Нас прервала трель тревожного сигнала, раздавшаяся с медицинского поста. Она прошила мое тело подобно электрическому разряду, и будь в тот момент у меня в руках полная чашка – я бы непременно ее расплескал.

– Да что ж это такое-то?! – Алан подскочил к засуетившимся медикам.

– Остановка сердца. Запускаем реанимационные процедуры.

– Папа! – Юлия метнулась к занавескам, но Алан поймал ее, обхватив за пояс и почти оторвав от пола.

– Пусти меня! – теперь уже она утратила контроль над собой и пыталась вырваться, извиваясь и колотя кулачками по его рукам.

– Утомонись! Там автоматическая система, дефибрилляторы с разрядом в десятки киловольт! Ты ничем не сможешь помочь, только сама уьешься!

Немного запоздало и я сам подключился к ее увещаниям, обняв жену за плечи и бормоча всякие подобающие моменту благоглупости. Так или иначе, но совместными усилиями нам все же удалось ее урезонить и отвести в сторону, чтобы не создавать лишних проблем и без того взбудораженному до предела персоналу лаборатории. Работать в непосредственном контакте со столь высокопоставленным человеком и само по себе – не сахар, но оказаться в ситуации, когда он того и гляди испустит дух прямо у вас на руках – такого и врагу не пожелаешь!

Обстановка тем временем складывалась довольно тревожная. Судя по коротким и скупым репликам медиков, реанимационные процедуры пока не принесли результата, и надежда на успех таяла с каждой секундой.

– Давайте ручной массаж! – послышалась команда старшего врача, и бригада бросилась в палату.

Юлия опять попыталась проскочить следом за ними, но мы с Аланом ее удержали.

– Не мешай людям делать свое дело! От тебя все равно не будет никакого толку, только проблем добавишь.

– Но я не могу вот так спокойно сидеть и ждать, когда там умирает мой отец!

– Беготней и криками ты делу не поможешь, – я, наконец, сумел посадить Юлию обратно на стул, – и не заставишь Судьбу передумать.

– Ты же знаешь, что больше всего на свете я ненавижу *беспомощность*!

– Да, знаю, – согласился я, хотя с трудом представлял себе, что чувствует человек, облеченный влиянием и властью, способный, если понадобится, повелевать многотысячными толпами одним шелком пальцев, в тот миг, когда все его возможности обращаются в ничто. Когда единственное, что ему остается – смиренно сидеть на стуле и ждать, чем все закончится. Как опытный автогонщик, чей болид сорвался в неконтролируемый занос, отсчитывает мгновения до неизбежного удара об отбойник и молится всем известным богам, чтобы ему повезло остаться в живых.

То ли мы молились недостаточно усердно, то ли наши боги вообще от нас отвернулись, но, взглянув на осунувшееся лицо старшего врача, вышедшего из-за занавесок, я сразу все понял.

– Мы... сделали все, что было в наших силах, но... мне очень жаль.

Юлия уткнулась головой мне в грудь, а я неуклюже гладил ее по спине, чувствуя как она вздрагивает от рыданий, томившихся взаперти и не прорывавшихся наружу уже много-много лет.

* * *

Прославиться можно самыми разными способами. Кто-то лезет из кожи вон, совершая безумные и смертельно опасные глупости, только бы его заметили, кто-то изо дня в день

упорно тянет лямку, добиваясь в итоге выдающихся результатов и постепенно забираясь на самую вершину карьерной лестницы. А кому-то просто везет.

Мне вот «повезло» оказаться свидетелем смерти двух членов Клана Саттар – влиятельнейших людей, глав Лиги и вершителей судеб миллионов простых обывателей. А еще я умудрился угодить в самую гущу творившегося в «Айсберге» безумия, приложил руку к краху проекта «Светлый Город», который свел в могилу Эдуарда, и в довершение увел из семьи Юлию. Хорошенькое реноме, ничего не скажешь! Пока еще никто не называл меня вслух «проклятием дома Саттар», но я был уверен, что подобные мысли приходят на ум многим.

С подобным послужным списком я счел неуместным заявляться на похороны Александра и отсиживался в отеле, пока Юля отдувалась там за нас обоих.

Пару раз она позвонила, держа меня в курсе происходящего, и мы перекинулись несколькими дежурными фразами. По ее голосу я чувствовал, что общение с собравшейся публикой особого удовольствия ей не доставляет, но ничем не мог жене помочь. Фамилия Саттар, помимо привилегий, налагала еще и целый ряд не шибко приятных ограничений и обязательств.

Не знаю, что именно мною двигало, быть может я в знак солидарности также решил соблюсти своего рода повинность, но, повинувшись внезапному импульсу, я взял коммуникатор и вызвал номер, стыдливо упрятанный на самое дно списка контактов.

– Привет, – до боли знакомый голос, донесшийся до меня через тысячи километров, звучал сухо и бесцветно.

Экран коммуникатора оставался темным. Если во времена ссылки Эдуарда видеосвязь ограничивали с этой стороны, опасаясь его воздействия на умы собеседников, то Кира сама отказывалась показываться в кадре. Интересно, видит ли она меня?

– Александр Саттар умер.

– Я знаю, – слова Киры звучали как далекое эхо, – я читаю новости.

– Юля сейчас на похоронах, а я решил дома отсидеться, – у меня вырвался невеселый смешок, – А то, если загляну, еще кто-нибудь из Саттаров к праотцам отправится. Везет мне на это дело.

– Если бы подобная неприятность случилась с Аланом, я бы не стала возражать.

Я вздохнул. Именно Алан, взбешенный тем, как Кира цинично использовала в собственных интересах его любимое детище, Вирталию, да и его самого, настоял тогда на ссылке. Все остальные, глубоко потрясенные развернувшейся вокруг «Светлого Города» драмой, не стали спорить, предпочтя запрятать первопричину своего дискомфорта куда подальше, и постараться о ней забыть. Нет человека – нет проблемы, не так ли?

Беда состояла в том, что ни Кира, ни связанная с нею проблема в действительности никуда не исчезли. Даже пребывая в изгнании на затерянном среди океана острове, она продолжала оставаться для Алана источником раздражения. Многие из того, что он делал за прошедшие два года, он делал ей *назло*. Он всеми силами старался замылить, затереть любые воспоминания как о том, как она им манипулировала, превратив в свой послушный инструмент, так и о том, что весь ажиотаж вокруг «Светлого Города» объяснялся не его грамотным руководством и планированием, а махинациями медиаторов во главе с Кирой. Все нынешние успехи и достижения Алана имели одну-единственную цель – доказать всему миру, что он не пустое место, не тень кого-то великого, а цельная и самостоятельная Личность, что он способен на реальные свершения, достойные памяти потомков.

Кира, кстати, в полной мере отвечала ему взаимностью. Если Эдуард за годы ссылки сумел перебороть в себе прежние обиды и подняться над ними, повзрослев и став только сильнее, то Кира, напротив, бережно хранила свою ненависть, ежедневно оттачивая ее и полируя до зеркального блеска.

Меня ее гнев затронул только вскользь. Тогда, в «Светлом Городе» мы схлестнулись с ней практически на равных, и моя победа являлась вполне заслуженной, а сильный противник достоин уважения, но вот Алан... Ему она не забыла и не простила ничего. Бывший раб и свергнутый им рабовладелец не примирятся ни за что и никогда.

– Я передам ему твой привет, – надеюсь, мои слова прозвучали максимально нейтрально.

– Как он там, всех уже на свою Вирталию подсадил, или кто-то нормальный еще остался?

– Он бы и рад, но многих отпугивает необходимость вживления импланта, а обычный киберкортекс прочувствовать все величие его творения не позволяет.

– Экий он вдруг шепетильный стал, – в голосе Киры зазвенело плохо скрываемое раздражение, – А когда он меня на «страховку» сажал, моим мнением почему-то поинтересоваться забыл.

Я закрыл глаза и мысленно выругался. Разговор с Кирой напоминал мне прогулку по минному полю, когда ты не в состоянии предугадать, что, где и в какой момент рванет. Детонатором могла послужить любая, даже самая безобидная на первый взгляд фраза.

Ясное дело, мало кому понравится, если тебе под кожу засадят крохотный дистанционно управляемый заряд, который разорвет твою сонную артерию в тот момент, когда человек, сжимающий в руке пульт управления, решит, что ты провинился. Дьявольское изобретение Лиги, позволяющее держать под контролем тех, кто может представлять для нее угрозу. Собственных Перфектов, Эдуарда, а теперь еще и Киру. Даже мне как-то раз перепало испытать соответствующее «счастье», после чего на моей шее остался едва заметный маленький белый шрам. Я подозревал, что для Алана такая безжалостная возможность постоянно напоминать человеку, в чьей власти находится его жизнь, являлась еще одним способом дополнительно уязвить свою бывшую обидчицу.

– Почему ты не отвечаешь на его звонки?

– Потому что нам не о чем с ним говорить.

– Даже если он захочет перед тобой извиниться?

– Ха. Ха. Смешно пошутил, – фыркнула Кира, – Он звонит в надежде услышать извинения от меня. Но он их не получит. В том, что он всегда был безвольной тряпкой, плывущей по течению, нет моей вины.

И вновь ситуация уткнулась в тупик. Даже выкрутив регулятор оптимизма на максимум, я не мог разглядеть в данном конфликте и тени призрачной надежды на достижение хоть какого-то компромисса. У меня вырвался еще один вздох.

– Как твои занятия? – я предпочел сменить тему, – Что сейчас изучаешь?

– Гайдн, – то, как скоро Кира откликнулась на мой вопрос, свидетельствовало о том, что и ей самой осточертело обсасывать старые обиды.

– Сыграешь что-нибудь?

– Только для тебя, – послышались шаги и шуршание платья, пока Кира усаживалась за фортепиано, – Тебе же медведь все уши оттоптал, ты ничего и не заметишь.

По комнате поплыли неспешные и даже слегка тяжеловесные звуки музыки, совершенно чуждой всем современным тенденциям. У нынешних меломанов просто не хватало терпения, чтобы дождаться конца секвенции и насладиться ее умелым транспонированием и обращением. А такое понятие, как нюансировка, представлялось им и вовсе гостем с другой планеты. Именно в такие моменты я вдруг осознавал, как много лет оставил за плечами, и насколько я на самом деле стар.

При помощи киберкортекса Кира раньше могла без запинки оттарабанить целый фортепианный концерт, развлекаясь выступлениями для подруг. Нынче же она решила пройти тот же путь, но уже самостоятельно, не полагаясь на содействие сторонних помощников. Прогресс продвигался довольно медленно, в более юном возрасте такие навыки осваивать все же легче, но Кира не отступала, и ее очевидные успехи были заметны даже моему слуху.

Ее упорство волей-неволей заставляло предположить, что она так усердствует тоже *назло*. Алану, миру, да и себе самой.

После нашего разговора я еще долго сидел в сгущающихся вечерних сумерках, обсасывая оставшееся от него послевкусие. Наши редкие беседы раз за разом все больше напоминали мне спиритические сеансы с вызовом духа давно почившего человека.

Та Кира, которую я когда-то любил, осталась далеко в прошлом. Она умерла еще там, в «Светлом Городе», когда начала накачивать меня чужой, ворованной страстью. Я, возможно, слишком поздно это понял, отчего последующее лечение запущенного недуга и потребовало столь радикальных мер. Уделяй я больше времени семье, а не бесконечным командировкам, быть может, болезнь удалось бы остановить еще на начальном этапе.

Однако сделанного не воротишь, и машины времени, позволяющей исправить допущенные некогда ошибки, пока не изобрели.

Колоссальная власть, которую Кира заполучила в свои руки, разъела и поработила ее, точно паразит, захвативший ее мозг и душу. Изначально присущие ей рассудительность и деловая хватка выродились в тотальное порабощение всех вокруг, а дефицит моей любви породил ненасытную жажду поклонения и обожания.

Падение с Олимпа ожидаемо оказалось крайне болезненным, а последовавшая ссылка добавила еще. В результате Кира практически полностью замкнулась в себе, черпая силы в ненависти к тем, кого считала виновными в своих страданиях. И в первую очередь к Алану, хотя моя скромная персона представлялась ничуть не менее достойной кандидатурой.

И теперь, наблюдая за тем, как близкий тебе человек постепенно превращается в концентрат мести, изживая в себе все то, что может помешать осуществлению главной мечты, я все больше склонялся к мнению, что ссылка оставалась единственно возможным вариантом. Если совсем отрешиться, то я бы даже смог понять, реши Лига Киру просто... убить, но столь сильный Медиатор представлял собой слишком ценный ресурс, чтобы им пожертвовать, подавшись сиюминутным эмоциям.

Их нерешительность, плюс толика жадности привели к тому, что моя бывшая уже третий год томилась в, возможно, самой комфортабельной тюрьме на свете. В то же время, иссушающая Киру ненависть оставляла все меньше шансов на то, что им удастся помыкать ею по собственному усмотрению, а потому ее ссылка в перспективе имела все шансы превратиться в пожизненную.

Работа в полиции, как и любая другая деятельность, со временем, так или иначе, неизбежно вызывает профессиональную деформацию. Андрею хватило всего одного года стажировки, чтобы в каждом встречном прохожем начать видеть потенциального преступника, ловко скрывающего от окружающих свои темные намерения.

Современные системы мимическо-жестиккулярного анализа позволяли с легкостью распознавать как откровенную ложь, так и простую неискренность, но все равно в рамках подготовки всех курсантов обязательно натаскивали на считывание скрытых эмоций и учили отфильтровывать фальшивые чувства. Точно так же, как во время тактических занятий они осваивали навыки пользования старым добрым компасом и бумажными картами. Иногда обстоятельства складываются таким образом, что рассчитывать приходится исключительно на себя и свои знания.

А потому Андрей сразу же заметил, что его отец серьезно обеспокоен. Тут даже каких-то особых умений не требовалось – уже третий бокал бренди для человека, позволявшего себе разве что шампанского на новый год – вполне достаточный сигнал, чтобы заподозрить неладное. Вообще, похороны близкого родственника всегда вызывают весьма широкую гамму переживаний, но источники тревожений Алана определенно лежали за рамками сегодняшнего траурного мероприятия.

Множество гостей и сопутствующая суета, однако, не давали Андрею возможности задать свои вопросы, и ему оставалось только терпеливо ждать подходящего момента. И если от отца Андрей унаследовал рослую худошавую фигуру и черные как смоль волосы, то мать одарила его редким для еще относительно юного возраста здравомыслием, пришедшим на смену совсем недавней вспыльчивости и импульсивности. Кроме того, умение ждать – одно из основных требований, предъявляемых к сотрудникам следственного отдела.

Парадная форма счастливо избавляла Андрея от слишком пристального внимания гостей. Одни предпочитали держаться подальше от представителя правоохранительных органов, другие же, рангом повыше, попросту его игнорировали, воспринимая как безликого человека-функцию.

В конце концов, после очередной серии тостов и восхвалявших покойного речей Алан с початым бокалом в руке вышел на террасу, чтобы глотнуть свежего воздуха и проветрить голову. Андрей, подхватив еще один фужер с проносимого официантом подноса, выскользнул следом.

– Неважно выглядишь, пап, – он пристроился рядом, облокотившись на парапет.

– А с чего мне цвести и пахнуть? – Алан приложился к своему бренди, – При такой жизни-то?

– Затруднения с проектом? – Андрей знал, насколько глубоко погружен его отец в работу над новыми системами Вирталии, и сколь значительную часть своей души он вкладывает в свое дело. А посему подобное предположение выглядело совершенно обоснованным.

– Что? – складывалось впечатление, что Алан время от времени просто выключался из реальности, – Да нет, все в порядке. Продвигаемся потихоньку.

– Смерть деда не нарушила ваших планов?

– При чем здесь это? Не вижу связи.

– Зато для многих прочих такая взаимосвязь вполне очевидна, – камень неприятно холодил бок, и Андрей выпрямился, поставив прихваченный напиток на парапет и сложив руки на груди, – Тебе удалось уговорить его на процедуру «оцифровки», после которой он скоропостижно скончался. Слова «убийство» пока вслух никто не произносит, но общее настроение склоняется явно не в твою пользу.

– А тебя, значит, подослали ко мне, чтобы выведать все подробности, да? – Алан попытался изобразить на лице осуждающее презрение, но вместо этого у него получилась лишь гримаса болезненного страдания, – Втереться в доверие и все разноухать?

Он попытался насмешливо поддеть знаки отличия на груди сына, но зацепил свой бокал и был вынужден торопливо его ловить, расплескивая бренди по мраморным плитам.

– Вполне разумный подход, – Андрей дождался окончания этого короткого акробатического этюда и продолжил, – Но никто и ничто не обязывает меня делиться информацией, полученной вне рамок служебных обязанностей. Мой вопрос скорее личный. Что там произошло? «Оцифровка» не удалась?

– Черта с два! – задетый за живое, Алан окончательно утратил осторожность, – Процедура прошла как по маслу! От начала и до самого конца!

– То есть деда все же удалось загрузить в Вирталию?

– В самом лучшем виде! В мельчайших подробностях! – Алан подхватил с парапета бокал и опрокинул остатки бренди в рот, – Просто идеально!

– Так в чем же тогда проблема?

– Ты будешь смеяться, но беда в том, что все сложилось *слишком* хорошо. Даже лучше, чем мы ожидали!

– Подробности не поделишься? – Андрей как бы невзначай покрутил пальцами стоящий на каменных перилах припасенный бокал, – Я не очень-то доверяю слухам и предпочитаю получать информацию из первоисточников. Болта ют-то всякое...

– Трепачи чертовы! – взгляд Алана впился в покачивающуюся янтарную жидкость, – Ни хрена не смыслят, но готовы рассуждать на любые темы! Все переврут, лишь бы читателей заманить!

– Так все же... что тогда произошло? Я так понимаю, что смерть деда была отнюдь не случайной, верно?

– Это уже допрос, да?

– Да я, скорее, костями лягу, чем допущу, чтобы кто-то докапывался до моей семьи! – Андрей чуть подтолкнул бокал, – Но мне нужно знать, что к чему, чтобы я мог всех вас защитить. Чем больше у меня будет информации, тем лучше я смогу обеспечить нашу общую безопасность!

– Ты хочешь подробностей? А ты уверен, что они тебе понравятся?

– Мне нужны факты, чтобы отбиваться от злопыхателей. За приятными ощущениями я лучше наведаюсь в другие места, благо выбор богатый.

– Ну и как впечатления?

– Так что там с дедом? – Андрей пропустил ехидный вопрос отца мимо ушей, – Как прошла «оцифровка»?

– Я же говорю – без сучка, без задоринки! – Алан подхватил полный фужер столь непридуманно и естественно, как будто занимался этим всю свою жизнь, – Мы выделили ему два узла, и до какого-то момента процесс развивался в полном соответствии с намеченным планом. Активность росла, потребление энергии, соответственно, тоже, но потом все вдруг пошло наперекосяк.

– Каким образом? Система засбоила?

– Нет-нет, с оборудованием как раз все было в полном порядке! Из-под контроля вышла сама виртуальная копия Александра, которая начала неконтролируемо распространяться по всей Системе, от узла к узлу.

– Разве такое возможно? – Андрей не очень хорошо представлял себе принципы работы современных квантовых технологий, но в его понимании создатель всегда должен иметь полный контроль над своим детищем, – Вы же ограничили ему зону доступа!

– Тут все устроено немного сложнее, не так, как в классических компьютерах, – переводя дух, Алан изучил пустой бокал и со вздохом отставил его в сторону, – Находясь вовне Системы, мы имеем весьма ограниченные возможности по регулированию происходящих в ней процессов. В то же время тот, кто оказался внутри, способен творить все, что ему заблагорассудится. Да, мы можем возвести заборы на его пути, но ничто не мешает их просто перепрыгнуть. Оцифрованным собачкам просто недоставало фантазии, а вот человеческий интеллект смог развернуться в полный рост.

– Думаешь, у деда имелся некий замысел?

– Я почти уверен в этом. Слишком уж все последовательно, слишком целенаправленно, чтобы списывать на случайные флуктуации.

– И какова его цель? Вы пробовали с ним связаться?

– Он не отвечает на наши запросы. Затаился и молчит.

– Что он сейчас творит там, в Вирталии?

– Никаких внешних проявлений его активности мы не фиксируем, но вот многие игроки отмечают, что в тамошней атмосфере что-то определенно изменилось, – Алан зябко поежился, – Знаешь, что такое эффект «зловещей долины»?

– Ни разу не слышал.

– Занятое явление из области психологии. Если кратко, то если сделать человекоподобного синтетика *слишком* похожим на живого человека, то он начинает вызывать отвращение и даже страх. Именно поэтому мы, создавая виртуальные миры, всегда стараемся останавли-

ваться в одном-двух шагах от этого рубежа. Создать абсолютно достоверную имитацию нам пока не под силу, а вот вляпаться в «долину» мы уже можем вполне.

Ранее посетитель Вирталии всегда осознавал, что он находится внутри симуляции, пусть даже речь шла о премиум-сегментах, но в последние дни мы получаем множество сообщений, что Вирталия теперь воспринимается как нечто реально *живое*. Как будто некто вложил в нее душу и помог перепрыгнуть через ту самую колдобину.

– Ты хочешь сказать, что дед решил примерить на себя роль виртуального Бога?! – Андрей удивленно вскинул брови.

– Я не делаю никаких выводов, – его отец нервно тряхнул головой, – у нас пока слишком мало данных.

– Жаль, что он так несвоевременно умер. Хотелось бы задать ему несколько вопросиков.

– Ошибаешься, – лицо Алана скривилось в странной гримасе, сочетающей в себе усмешку и затаенный страх, – он умер как раз очень даже вовремя. Чтобы избежать необходимости на твои вопросики отвечать.

– То есть? – Андрей вдруг почувствовал, как и у него по спине заструился неприятный холодок.

Система жизнеобеспечения отказала почти сразу же после завершения загрузки образа. Совпадение выглядит слишком уж вызывающе, чтобы не заподозрить неладное. И действительно, в процессе анализа наши специалисты обнаружили, что случившееся не было случайным сбоем. Систему отключили извне, причем команда пришла из Вирталии. Из того самого сегмента, куда мы загружали образ. Для него же любые системы защиты или шифрования – на один укус. Ну а после он уже начал расползаться по всем остальным узлам, – Алан нервно рассмеялся, – Думаю, теперь уже можно произнести вслух то самое слово.

– Убийство?

– Оно самое. Александра прикончил его же собственный виртуальный клон. И это стало первым, что он сделал, едва освоившись внутри Вирталии.

– Но зачем?!

– Ты уже знаешь ответ, ты его даже проговорить успел, – Алан постучал себя пальцем по лбу, – Чтобы мы не могли вывести у старика его замыслов. Балладу про «Вересковый мед» помнишь?

– Его можно как-нибудь... отключить?

– Увы, это квантовая система, внутри которой все очень плотно переплетено. Единственная остающаяся у нас возможность – полное физическое уничтожение всех узлов хранения. Вместе с изрядным куском Вирталии, многомиллионными инвестициями и годами нашей работы. Никто на такое не согласится.

– Но мы же понятия не имеем, что дед замыслил?! Он может представлять смертельную угрозу, особенно если способен подключаться оттуда к любым системам вовне и вмешиваться в их работу.

– Пока он никакой злонамеренной активности не демонстрирует, и все предпочтут подождать в надежде, что проблема как-нибудь рассосется. Если Александру на старости лет вздумалось поиграть в Бога – да пожалуйста! Пусть только на проезжую часть не выбегает.

Алан раздраженно взмахнул рукой, и задетый им пустой бокал улетел вниз, в кусты. Они с Андреем на секунду замерли, но звука бьющегося стекла не последовало.

– М-да, – Алан осторожно взял с парапета уцелевший бокал и, чуть покачиваясь, шагнул к дверям, – Пойду я, пожалуй, скажу прислуге, чтобы подобрали. Негоже дорогим хрусталем разбрасываться.

После ухода отца Андрей еще некоторое время стоял, переваривая услышанное. Мысль о том, что где-то в недрах компьютерной системы засел двойник его покойного деда, вынаши-

вающий непонятные планы, вызвала легкую нервозность. А учитывая его возможности по вмешательству в работу инфраструктуры, рядом с которыми любые хакерские атаки мелкими пакостями покажутся, нервозность плавно начинала перерастать в полноценный страх. Вечное стремление людей попробовать что-то новое и неизведанное в очередной раз поставило цивилизацию на грань техногенной катастрофы, вполне сравнимой по последствиям с полноценной ядерной войной.

Однако некоторые кусочки мозаики, как Андрей их ни крутил, упрямо не хотели укладываться в общую картину.

Больше всего вопросов вызывали произошедшие в Вирталии изменения. Для чего злобному Сверхразуму, планирующему поработить человечество, что-то там улучшать и преобразовывать в компьютерном симулированном мире? Зачем отвлекаться на подобные несущественные мелочи? Или же новорожденный демиург надумал завести себе персональный мирок с преданной паствой? Просто забавы ради?

Глупость какая-то! Алан же утверждал, что в действиях виртуального Александра наблюдалась явная продуманность, где нет места нелепому баловству. У старика явно имелся определенный план, но, судя по всему, на текущий момент мировое господство не являлось его первоочередной целью.

Такой вывод немного успокаивал, хотя и не гарантировал, что истинный замысел обязательно окажется лучше.

* * *

В пыльном стекле витрины отражалась улица за моей спиной, и блики от проезжавших машин мешали как следует рассмотреть выставленные образцы. Чтобы хоть что-нибудь увидеть, я придвинулся ближе, почти прижавшись к стеклу носом и загородившись руками от света.

На ближних полках выставлялись недорогие модели, некоторые из которых отдувались уже второй сезон, но вот дальше, вверх по импровизированной пирамиде из коробок начинались уже более актуальные вещи. А на самой вершине, возвышаясь над всеми прочими, красовались «FreeRunner 75», белые с перекрещивающимися синими и желтыми полосами на боках.

У меня вырвался невольный вздох восхищения – настолько они были прекрасны! Меня снова захлестнуло жгучее желание обладать ими, но магазин открывался только через десять минут, и мне не оставалось ничего другого, кроме как терпеливо ждать, отсчитывая каждую тягучую секунду.

Меня буквально выедало изнутри жгучее чувство вопиющей несправедливости. Столь совершенная вещь не должна томиться взаперти в тесной картонной коробке! Я просто обязан даровать им свободу, куда у меня есть такая возможность!

Данная модель всецело завладела моими мыслями еще позавчера, когда по дороге с работы мне на глаза попался рекламный щит. «Твой рывок к успеху» – гласил рекламный слоган, и одного мимолетного взгляда мне хватило, чтобы логотип компании с переплетенными канатами накрепко засел у меня в голове. А потом мне еще приснился сон...

Я еще с младых лет знал – если что-то начало тебе являться в сновидениях, то ты конкретно попал. Так просто отмахнуться от назойливой идеи уже не получится. Тут ты либо сражаешься с ней до последней нервной клетки, либо уступаешь. И я не смог устоять.

Мои жалкие попытки сопротивления оказались окончательно сломлены несколькими рекламными роликами, заботливо подсунутыми мне при очередном заходе в сеть. На следующую ночь я едва смог уснуть, сражаясь с плавающим перед глазами логотипом, и понял, что капитуляция в данном случае обойдется дешевле.

Да и приятней, что уж греха таить. Потакание своим капризам и прихотям всегда греет душу, пусть и ненадолго.

В конечном итоге сегодня я вышел пораньше, чтобы перед работой успеть заскочить в магазин и утолить свою неумную тягу к прекрасному. Лучше один раз отмучиться, чем страдать как минимум еще целый месяц.

В замке входных дверей загремел открывающий их ключ, и я немедленно ворвался в торговый зал. Почти пробежав до отдела спортивных товаров, я замер перед стеллажом, где были выставлены последние модели кроссовок для бега. Включая те самые «FreeRunner75», от одного только вида которых у меня аж скулы сводило.

Вот они! Во плоти! Меня охватила мелкая дрожь от жгучего желания немедленно схватить их и прижать к груди, согреть их теплом своего тела, слиться в единое целое...

– Вам чем-нибудь помочь? – вопрос незаметно подошедшего продавца заставил меня вздрогнуть.

– Да, если можно... я бы хотел... померить...

В последний раз я так запинался еще в школе, покупая цветок для приглянувшейся девчонки.

– «Ферренги»? «Семьдесят пяты»? – консультант схватил предмет моих воздыханий с полки, и меня прям передернуло от того, насколько грубо и бесцеремонно он с ними обошелся, – Какой размер?

– Сорок четвертый.

– Сейчас посмотрю. Подождите минутку.

Парень убежал в подсобку, я же остался в зале, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, словно истосковался по визиту в уборную.

Постепенно подтягивались другие покупатели, и консультанты сновали среди них, подсказывая, объясняя, советуя... Мне вдруг в голову пришла едва ли не еретическая мысль, что эти ребята в униформе в чем-то похожи на богов. Ведь они имеют возможность каждый день прикасаться к таким великим шедеврам обувного искусства, как «FreeRunner75» и подобным им. Работа мечты! Мало кому из простых смертных доступна подобная привилегия. Причем сами они даже не находят в этом ничего особенного! То, что мною воспринималось почти как священнодействие, для них являлось привычной каждодневной рутинной. Быть может я, выбрав в свое время стезю химика-технолога, свернул тогда на неверную дорожку?..

– Вот, пожалуйста! – вернувшийся продавец взмахнул перед моим носом коробкой, логотип на которой едва не вышиб слезы из моих глаз – настолько он был прекрасен в своем совершенстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.